

The image depicts a dystopian or post-apocalyptic cityscape. The buildings are constructed from dark, rusted metal blocks, appearing heavily worn and abandoned. In the sky, a large, sleek, disc-shaped flying saucer with a glowing ring of windows is prominent. The lighting is dramatic, with a warm, golden glow from the horizon, suggesting a sunset or sunrise. The overall atmosphere is one of desolation and advanced technology in a state of decay.

И НАСТУПИЛО ТО САМОЕ ВРЕМЯ

Катя БЕРЕЗУЛЯ

16+

Катя Березуля

И наступило то самое время

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67640589

SelfPub; 2022

Аннотация

Скажи кто-нибудь Оксане, что родную планету атакуют инопланетяне, не поверила бы. А в то, что именно она станет первоклассной убийцей братьев по разуму, тем более. Но реальность диктует свои правила, и за потерю близких враг должен ответить. Пусть всё, о чём она мечтает теперь, – умереть в бою, но на тот свет она заберёт с собой как можно больше захватчиков.

Содержание

Но перед смертью отомщу	4
Скорей бы на войну	14
Боевые навыки на 68 баллов	21
С врагом лицом к лицу	36
Нашли время	44
В плену врага, в плену сомнений	55
Жизнь и смерть в космосе	68
Сделка с голубокожими	74
И наступило то самое время	83
От автора	89

Катя Березуля И наступило то самое время

Но перед смертью отомщу

Сколько времени прошло?

Месяц?

Год?

Впрочем, какая разница?

Стоит закрыть глаза, и картинка, как вчерашняя: школа в развалинах, стоны и причитания, дети на руках взрослых, дети на земле – аккуратными рядками...

Корявая табличка из картона с кривой надписью маркером «3 «А» у одного из рядов.

«Нет, нет, пожалуйста, нет».

«Мама!» – раздаётся детский голос. Обернулась: не ей. А потом вот они, эти кроссовки на ногах сына, из-за которых тогда вышел спор в магазине. Подавай ему ярко-желтые – стирать замучаешься. Только глянула – и отвернулась. Всё было понятно: мёртв.

А та женщина, которой кричали «мама», вытирает слезы счастья. Как хочется быть на её месте... «Верните сына! Бу-

ду стирать эти кроссовки каждый день! Куплю ему красные, зеленые, белые, лишь бы было кому их носить!»

Проглатывая стон, мотая головой, отрицая ужасную действительность, идёт дальше, мимо рядов и картонных табличек.

Шестой «Б». Возле кого-то бьётся в истерике женщина. Молча, закрыв глаза, сидит мужчина, поглаживая ногу лежащей на земле девочки – это Лера из дочкиного класса. А вот и дочь. Ее малышка, которой только вчера сделали первый маникюр, и ей не терпелось похвастаться им перед одноклассницами.

Тоже в ряду. Тоже лежит. Тоже не дышит.

Длинный выдох. «Скажите мне, кто-нибудь, «мама»...

Просто не нужно закрывать глаза.

Оксана проморгалась. Надо же, задремала под убаюкивающий гул самолёта. Потянулась, разминая тело. Расплела и заново заплела «колосок» из своих выцветших, с пепельными прядями, волос, смотрящихся как мелирование, которое она любила когда-то.

Их группа, закончив базовое обучение, отправлялась на войну. Оксана не помнила, сколько длилась подготовка. Всё время, прошедшее с «того самого дня», старалась забыть и не вспоминать, изнуря себя тренировками. На физподготовке было легко – бегать, прыгать, отжиматься до седьмого пота, чтобы, вернувшись в казарму, принять душ и упасть

без задних ног. Главное – не думать, не вспоминать.

На тактике и других подобных предметах приходилось сложнее – необходимость концентрироваться возвращала ее в реальность, где нет любимых рядом, нет своих родных крошек. «Ничего, – успокаивала себя Оксана, – недолго осталось».

Оставаясь безразличной к попыткам политических элит вызвать слепую ненависть к врагу, она мечтала свести личные счёты. Плевать ей на весь род человеческий и угрозу его исчезновения. Это были дети. Её дети.

Оксана оглядела девчонок из группы. Ну, как девчонок – всем уже ближе к пятидесяти. Многие, как и она, потеряли родных, свои семьи. Она среди них самая молодая – сорока еще нет.

– Женщина, вы хорошо подумали? – не унимался тип из призывной комиссии. – Ваш возраст не подлежит обязательному призыву, вы можете принять участие в программе ВРЧ.

И девчонки поначалу докапывались, выясняя, почему не осталась в тылу, ведь могла.

– Все кого-то да потеряли, – рассуждала вслух Гала. – Но ты, в отличие от нас, можешь начать всё заново...

– Да отстаньте от человека, – заступалась Тамара. – Начать, начать... Кто-то должен и заканчивать.

ВРЧ – программа восстановления рода человеческого, предполагающая особенную социальную заботу о женщинах детородного возраста. Потери после нападения исчислялись

миллиардами людей. Мир паниковал. Здоровых, способных рожать, окружали всеми доступными благами. Сформировалась новая элита. Возрастные, «отбракованные» по состоянию здоровья, не способные рожать в силу репродуктивных нарушений отправлялись на фронт. «Нас незачем беречь, – ворчала Гала, – мы «не люди». А мой теперь непонятно кого брюхатит».

Галу можно было понять. Ведь до войны после пятидесяти, наверное, начиналась самая жизнь – появлялось больше свободного времени, выросшие дети заводили свои семьи, можно было распоряжаться собой, как душа пожелает.

Гала с удовольствием проводила выходные с внуками, вечерами после работы посещала спортивный зал, могла сорваться со своим Колей на выходные в Петербург («а что это мы до сих пор «Аврору» не видели?») или уехать на Алтай. Летом они любили пропадать на даче, радовались каждому новому кабачку на грядке, зимой смотрели сериалы.

Мобилизация коснулась прежде всего молодых мужчин и женщин старшего возраста. По логике военных, крепкие парни нужны на передовой, а «сделать новых людей» могут и здоровые мужчины старшего возраста с хорошей спермограммой. Женщин, которые уже не могут рожать, просто не жалко.

Теперь Коля с безупречными анализами был обязан оплодотворять других женщин, причём естественным путём. «Некогда им возиться с пробирками, видите ли, времена не

те», – сетовала Гала. И непонятно, кому в этой ситуации было хуже – женщине, обязанной делиться своим мужчиной из-за госпрограммы, или моногамному Коле. Он писал жене, что может выполнить этот долг, только представляя на месте будущей роженицы «свою Галу».

Подобные разговоры были Оксане безразличны. Ее муж Михаил пропал без вести, она была уверена, что он погиб. А когда представляла его на месте Коли, то даже не ревновала – какое это все имеет значение? На гражданке ее бы оберегали как породистую свиноматку. Она могла бы жить в безопасности и родить много новых детей, но зачем?

Радость ушла из этого мира со смертью её сына и дочери. Оксане был необходим «легализованный» способ вслед за ними покинуть суровую реальность. Умереть на войне – отличный выход.

Люди подверглись нападению тварей из космоса. Впрочем, облик «тварей» был вполне гуманоидным – две руки, две ноги, вытянутые головы, большие глаза без бровей и ресниц, голубоватая гладкая кожа. Они носили тончайшие светлые комбинезоны, и по внешнему виду нельзя было понять, есть ли у них половые различия, а технологиями обладали фантастическими.

Называли их тварями, выражая сильную ненависть. Первая же атака деморализовала человечество, настолько она была внезапной и разрушительной. Половина населения погибла. Таких потерь мир ещё не знал.

17 октября – Ночь погребальных огней – было объявлено ежегодным днём траура. Третий день после атаки. Выжившие кое-как собрались с силами и приступили к наведению порядка. Мёртвых просто сжигали, и количество костров было огромным.

Оксана плохо помнила те дни. Запах гари, какие-то распоряжения, – она участвовала в необходимых мероприятиях, как робот. Целиком отдавшись страданию, мечтала умереть от истощения. А потом объявили всеобщую мобилизацию. У одинокой женщины появилась цель – поскорее попасть на войну, где смерть обязательно найдёт её, но до того, как это случится, она успеет наказать хотя бы одну тварь.

Самолёт начал снижение. База 147, куда их доставят, располагалась в 50 километрах от горячей зоны. Ещё немного обучения на месте, и их ждут боевые вылазки.

Никто из тридцати шести «боевых подруг» не демонстрировал подобного ей безразличия. Наоборот, судя по тому, что наблюдала Оксана, жить всем хотелось как никогда. Что ж, это их дело – а своё она знала сама.

В коллективе Оксану обходили стороной, за глаза называя отморозенной. Связываться не хотели. В редких конфликтах достаточно было холодного взгляда, чтобы начавшая зарождаться ссора угасла. Иногда находились бабы без тормозов, кого взгляд не останавливал, с ними Оксана не разговаривала. Она в принципе не любила разговоров, эмоциональ-

ных жестов, истеричных выпадов – предпочитала сразу бить. Со временем и родилась репутация отморозженной.

147-я база считалась одной из крупнейших. Комплекс помещений располагался на глубине тридцати метров. За год войны базу ни разу не атаквали, хотя она находилась близко к линии фронта.

Собственно, какая там линия – твари могли на своих летающих аппаратах появиться в любом месте в любое время, но они предпочли «окопаться» – настроили купольные землянки, которые снабжали оружием и боевыми особями.

Контингент 147-й базы менялся часто – обитатели регулярно участвовали в боях и несли колоссальные потери из-за технологической недоразвитости. Но учёные, ходили слухи, нащупали слабые места противника, и вот-вот должны были их озвучить.

Приземление, выгрузка персонала и припасов произошли слаженно, и вертолёт поторопился взмыть в воздух и улететь в обратном направлении. Вход под землю находился тут же и представлял собой замаскированную густыми ветками будку размером с гараж, в которой прятался грузовой лифт.

Пока прибывшие строились под руководством молодого, но сурового на вид сержанта, мужественно переносившего гендерные шуточки сослуживиц Оксаны, несколько крепких женщин управились с ящиками и провизией, забив ими лифт. Спустя пару минут к ним вышли двое мужчин, старших по званию.

Первым представился генерал Якурин и назвал имя своего сослуживца – подполковника Вадима Дрогина. Оксана присмотрелась: узнала старого знакомого. Возможно, пару лет назад она бы обрадовалась встрече, а сейчас – всё равно.

Началась переключка.

Услышав свою фамилию, сделала шаг вперед Оксана, после чего Дрогин неприлично долго тянул с очередным именем, спровоцировав неприятные хохотки за её спиной.

– В цирк пришли, дамочки, или воевать приехали? – недовольно гаркнул Якурин, усмирив женщин. – Что стоишь, Смагина? Обозначила себя и вернись в строй, не на подиуме.

Оксана шагнула обратно, недоумевая, почему она не поступила так сразу.

Однако после того, как Гала, услышав своё имя, вышла из строя и тут же вернулась назад, Якурин снова недовольно заорал:

– Куда? Была команда тебе вернуться в строй?

Гала растерянно хлопала глазами под еле слышные шепотки «идиот, что ли». Сделала шаг вперёд, чтобы снова вызвать гнев начальника:

– Ноги затекли, что ли? Разминка у нас здесь, по-твоему?

Оксана перевела взгляд на Дрогина, чтобы угадать его эмоции, но тут же была вынуждена отвернуться. Тот смотрел прямо на неё, а заметив внимание, даже улыбнулся. Зря надеялась, что не узнает или хотя бы сделает вид, что не узнал. Ей совсем не хотелось возобновлять знакомства из прошло-

го, но Вадим, похоже, придерживался другого мнения.

Оксана вспомнила их знакомство пятнадцать лет назад. Она проходила практику в отделе кадров ООО «Новый-Строй» – компании-застройщике. Тогда массово переходили на электронный документооборот, и она вносила в программу данные трудовых книжек. Вадим трудоустроивался на должность инженера. Только вернулся из армии, высокий, худой... К чему это сейчас? Оксана поморщилась, вспомнив заинтересованный взгляд.

– Смагина, долго собралась ворон считать?

«Может, от этого сначала избавиться, а потом от тварей?» – подумала Оксана о вредном генерале, наступая на платформу лифта.

Деревянный пол со скрипом пополз вниз.

– Привет! Как ты здесь? – услышала она шёпот в самое ухо.

Дрогин всегда был добрым и отзывчивым, готовым помочь всем вокруг, чем эти все бессовестно пользовались. Оксане много лет назад казалось, что он за ней ухаживает. Но отцом ее детей стал Михаил Смагин, он выглядел намного мужественнее Вадима. И как Дрогину с таким мягким характером вообще служится?

Она удостоила Вадима секундным взглядом, пожалала плечами и отвернулась, более чем понятно демонстрируя, что не заинтересована в общении. Дрогин не сводил глаз с нее всё время, пока лифт спускался.

Мысли и воспоминания нахально лезли в голову, используя возможность передышки между изнуряющими тренировками. Зачем ей эти картины?

Её «да» в загсе...

Михаил берёт новорожденную дочь на руки...

Михаил с подросткой дочерью забирает её с сыном из дома...

Рядки в школьном дворе, табличка «З «А»...

Михаил пропал без вести...

Ночь погребальных огней...

– Смагина! – голос Дрогина прозвучал резко и нетерпеливо.

Девчонки уже стояли в коридоре перед лифтом в тусклом свете ламп, поглядывая на неё с любопытством.

«Отмороженная в своём репертуаре», – услышала она чью-то реплику.

– Разговоры! – рявкнул Вадим.

Оксана шагнула из лифта и встала в строй.

– За мной! – скомандовал он с не свойственными ему ранее нотками в голосе и направился по извилистым коридорам в женский блок.

Наверное, обиделся, подумала Оксана и тут же мысленно махнула рукой – да какая разница?

Скорей бы на войну

Дни полетели стремительно, один за другим, но на реальный бой все никак не посылали. Не думала Оксана, что финальное обучение займет столько времени.

По обыкновению изнуряла себя физическими упражнениями почти до беспамятства, проводя в залах всё свободное время. Программа единоборств здесь была мощной, потому что «твари» уступали землянам в физической подготовке, и оставшись один на один с инопланетянином – последний был без шансов, если оказывался без оружия. Тактические задачи боя сводились к одному – обезоружить, отделить от групп поддержки и уничтожить. По возможности захватить трофеи.

Первое время Оксану часто тревожили сослуживцы. Как одна из самых молодых женщин на базе, она неизбежно привлекала внимание мужской половины. Понадобилось несколько недель, чтобы большинство поняли, что Оксане не интересны свидания. К тому же начали шептаться, что она – в зоне внимания Дрогина.

Особо наглым персонажам Оксана даже отвешивала оплеух. Выяснения отношений случались в спаррингах. Система внутреннего рейтинга фильтровала бойцов автоматически, формируя пары, близкие по уровню подготовки, но допускалось вызывать соперников по желанию. Оксана ни разу не

воспользовалась этой возможностью, в то время как её вызывали постоянно. Она была и рада – изнурительные бои помогали ей держать в голове цель – месть. И с каждой схваткой она чувствовала, что становилась сильнее и выносливее.

Бывало, лежит, поверженная соперником, и ситуация как будто безнадежная. Сознательно вызывает в памяти самые страшные картины из жизни. Тут же приходит злость и сила – мигом вырывается из крепких захватов, начинает метаться по боевому пятаку как бешеная пружина, одновременно пугая и восхищая свидетелей боя, и заканчивает схватку победой. Что ни говори, а прозвище «отмороженная» здесь за ней не закрепилось. «Бешеная стерва» – так её стали называть.

Женщин Оксана побеждала всех, кроме Сони. Соня была крепкой рыжей барышней около 50. Улыбчивая, пользующаяся повышенным вниманием мужчин, она удачно совмещала личную жизнь и боевые успехи. Соня беззлобно подшучивала над проигравшей Оксаной, у которой не было особых амбиций на тему «победить всех». Оксана лишь мечтала поскорее получить допуск к реальной битве.

«А ведь видно, что тебе мужика не хватает», – любила прошептать ей на ухо Соня, выворачивая ловко пойманную в захват руку. И только Оксана начинала сочинять остроумный ответ, как больно получала под дых. Соперница вела себя уверенно и сосредоточенно. Пропуская удары, улыбалась и подмигивала Оксане, мол, ты же понимаешь, я поддаюсь.

А после боя всегда уходила в сопровождении того ухажёра, чья очередь была сегодня.

Здесь, на 147 базе, все прибывшие девчонки оживились – и были весьма рады мужскому вниманию. Гала, насколько догадывалась Оксана, вообще встречалась параллельно с несколькими мужчинами, хотя позволяла себе в разговорах с Колей упрекнуть мужа за вынужденные измены. «Я здесь кроме каши и дисциплины ничего не вижу, а ты...», – стонала она в трубку несчастным голосом, и даже могла искренне прослезиться в такие моменты. А после разговора поправляла макияж и шла на очередное свидание.

Дрогин звал Оксану на свидания, предлагая ей дополнительные выходные дни. Однако это было бесполезно – с утра до вечера она пропадала в зале, чтобы, вымотавшись, завалиться спать «одним куском» до следующего утра. В редкие часы досуга удавалось почитать книги – тоже хороший способ сбежать из реальности. С героями некоторых произведений она даже чувствовала родство, как, например, с Викторией из повести «После Разгрома» малоизвестного довоенного автора.

Оксана, конечно, заметила, что Вадим сильно изменился с тех пор, как она впервые его увидела в компании «Новый-Строй». Это касалось характера, хотя и внешне, безусловно, произошли перемены. Худой в молодые годы, сейчас Вадим оброс не объёмными, но крепкими мышцами, а в некогда чёрной, как смоль, шевелюре проступил седой клочок.

Вадим по-прежнему выглядел дружелюбно, Оксана чувствовала, что окружающие его уважают и даже боятся. До неё доходили обрывки слухов о ситуациях и на поле боя, и в спаррингах, где якобы Дрогин перевоплощался чуть ли не в зверя, но она не вникала. Какое ей было до этого дело? Наверняка пустой трёп. К тому же за полтора месяца пребывания Оксана не слышала ни про один боевой выход, и Дрогин попадался на глаза ежедневно.

Вообще, складывалось впечатление, что вокруг все только и думают о личной жизни – как будто нет войны... «Что ты хочешь? Каждый из них завтра может умереть, не осуждай», – как-то сказал ей Якурин, угадав мысли. А потом по-отечески посоветовал не строить из себя недотрогу.

Что ж, наверное, в этом был какой-то смысл. Это их дело, не её. Настойчивые попытки Дрогина «подкатить» действительно расстраивали. Если в первые моменты, когда Вадим поджидал её после «уроков» или тренировок, она терпеливо и открыто говорила, что ей не интересно общение либо сближение, стараясь не обидеть своим отказом, то в последнее время Оксана делала всё возможное, чтобы попросту избегать встреч. Напряжение нарастало, симпатия Дрогина усиливалась и, не подпитываемая ответными чувствами, обростала нетерпением. Пару раз даже доходило до конфликта.

Однажды Оксана принимала душ после спаррингов. Душевые на базе разделялись на женские и мужские условно, но, как правило, разделение соблюдалось. Изредка, правда,

после массовых соревнований или общих мероприятий, в «мужском» душе не хватало мест, и тогда мылись все вместе, но соблюдали гендерный нейтралитет – никто ни на кого не глазел, не отпускал шуточек. И тут рядом с ней в практически пустой душевой оказался невозмутимый Вадим – естественно, в чём мать родила.

Оксана смутилась и тут же разозлилась из-за этого – как на себя, так и на командира, который включил воду, и, натирая своё крепкое тело мочалкой, завёл беседу из серии «о погоде».

На него бросали заинтересованные взгляды редкие женщины, оказавшиеся в душевой, а Оксана повернулась к стене, облокотившись на неё вытянутыми руками, надеясь, что это скроет хотя бы её грудь от взгляда настойчивого ухажёра. Краем глаза она видела фигуру Вадима и не могла её не оценить: рельефный, как стиральная доска, пресс, упругие бёдра и... Она ругала себя, но взгляд стремился туда, куда не нужно.

– А ты как думаешь? – спросил о чём-то Дрогин.

Оксана выключила воду, медленно повернулась к нему, вытерла лицо ладонью и сказала подчёркнуто холодно:

– Не знаю, я из-за шума воды не слышала, что ты говорил.

Она собралась уходить, когда Вадим схватил её за руку и дёрнул ближе к себе, а затем прислонил к прохладной мокрой стене.

– Ты думаешь, что самая несчастная? – громко зашептал

Дрогин. Тёплые струи воды лились ему на голову, попадали на лицо Оксане. – Я, к твоему сведению, тоже всех своих похоронил, – и жену, и сына, и родителей. И никто из людей, которые тебя окружают, не виноват в наших потерях.

Вадим был искренне зол, его взгляд сверлил, казалось, самую душу – столько в нём было энергии негодования. Она почувствовала, как давно забытое ощущение заворочалось внутри и готово проснуться, как медведь, унюхавший весну. Это напугало.

– И что? – вспыхнула Оксана и легко ударила Дрогина кулаком в плечо.

– И не надо быть сукой, вот что!

Оксана собралась ответить, но Вадим неожиданно поцеловал её в губы. Пока она соображала что происходит, его рука оказалась на её талии, и замеченный ранее рельефный пресс она почувствовала собственным животом. Как и кое-что другое...

Резко отпрянув, она с силой оттолкнула Вадима и отправилась в раздевалку, чувствуя себя раскалённым шаром гнева и стыда. Что за домогательства, в конце концов? Мы на войне или где?

Перед тем как сделать последний шаг из душевой, Оксана оглянулась и заметила довольную улыбку на лице Вадима. Прикасаясь пальцами к своим губам, он как будто пытался потрогать случившийся поцелуй, ощутить его не только на вкус.

Огромных внутренних усилий стоило Оксане прийти в себя. Она энергично вытирала тело и одевалась, то и дело призывая в сознание спасительные картинки своей главной жизненной трагедии, которые всегда возвращали её в нужное русло. С ужасом осознав, что табличка с надписью «З «А» не желает всплывать в памяти по её желанию, она внезапно расплакалась, чего с ней не случалось уже больше года.

К ней подошла Тамара и по-матерински обняла, погладила по плечу.

– Не думала, что у тебя получится, – шепнула Тамара, имея в виду то ли слёзы, то ли ещё что...

Наконец, Оксана успокоилась, нацепила на себя привычное выражение лица. Выдохнула. Да что она, в самом деле? Расплакалась как девчонка.

Выйдя из раздевалки, она стала прежней «отмороженной». У неё были свои планы на остаток собственной жизни, и никакие шашни туда не вписывались.

А на следующий день Вадим впервые за всё время вызвал её на бой.

Боевые навыки на 68 баллов

Пискнули смарт-часы: система оповещений пригласила Оксану в зал 15. В случаях спаррингов с кем-то из руководящего состава приглашения направлялись официально. Считалось, что у командиров есть свои более важные задачи, и остальные обязаны подстроиться под их график.

Выбору зала Оксана была удивлена – он использовался в показательных выступлениях, демонстрациях новых техник и прочего, так как был оснащён трибунами. Она догадывалась, что на их бой захотят посмотреть многие, но не представляла, насколько сильный интерес вызовет их с Дрогиным поединок.

Расписание командира показывало плотный график боёв, начинающийся с сегодняшнего дня. Среди его соперников – все девчонки, прибывшие с ней на базу.

– Что, дрейфишь? – рядом стояла Соня с кофе в руках.

Оксана пожала плечами.

– Я его ни разу не одолела, имей в виду, – она, хитро улыбаясь, отхлебнула из бумажного стаканчика.

– А ты умеешь подбодрить, – решила поддержать беседу Оксана. Ей было приятно осознавать, что Вадим вызвал её на поединок не единственную, значит, действительно в рамках учебной программы, ведь он был куратором подразделения.

– А ты не понимаешь, да? – прищурилась Соня. – Поста-

вил тебя первой, чтобы управиться с тобой свежими силами.

Оксана снова пожала плечами. Минута позора, и отправится на трибуну понаблюдать за командиром в деле, а то столько слухов ходит.

– Так ты совсем не понимаешь...

Соня сделала очередной глоток, специально желая протянуть время, чтобы вызвать нетерпение собеседницы.

– Ну? – порадовала её Оксана.

– База 145-я, чьё боевое дежурство должно было закончиться через неделю, понесла сильнейшие потери, и нам предстоит стартовать раньше плана. А сегодня Дрогин и вышестоящее руководство начинают отбор.

– А разве мы не все...

– Не все, а только те, у кого будет больше шансов выжить. Слишком активно уходит в расход человеческий капитал. И я тебя уверяю: Дрогин не отправит свою зазнобушку на смерть, – Соня допила кофе, смяла стаканчик и метко бросила его в стоящую недалеко урну.

– Поэтому, – продолжила она, – он сделает всё, чтобы показать сегодня: ты ни на что не годна. И у него появится ещё целый квартал, чтобы окучивать тебя.

Напоследок Соня нежно провела рукой по подбородку собеседницы, видимо, изображая из себя влюблённого Вадима. Оксана замахнулась, чтобы оттолкнуть руку Сони от своего лица, но опоздала. Та предугадала её действие и отпрянула на долю секунды раньше.

Оксана подумала, что её смерть, её встреча с любимыми на том свете могут снова быть отложены. Она обязана не допустить этого. Жутко разозлившись, со всей силы треснула кулаком в стену рядом с электронным расписанием.

– Смагина! – окликнул её проходивший мимо Якурин. – На бой оставь!

Она увидела, что у пищеблока рядом с Якуриным стоит и Вадим. Лёгкая улыбка угадывалась на его лице.

– Об этом не беспокойтесь! – дерзко ответила Оксана.

Все, кто оказался рядом, замерли и начали переглядываться, оторопев от такой наглости. Не успевшая далеко отойти Соня обернулась и покрутила пальцем у виска.

– В наряд захотела? – прошипел командир.

Оксана вытянулась по стойке смирно:

– Никак нет!

Якурин повернулся к кофемашине, потеряв интерес к подчинённой.

– Ну, и дисциплинка у тебя, – услышала Оксана комментарий Якурина, адресованный Дрогину.

– Исправим, Константин Семёнович, – вяло ответил Вадим, выбирая пирожное на витрине.

Оксана глянула на время – до боя меньше часа. Уже можно идти в зал, размяться. «Я тебе эту пироженку хорошенько взболтаю», – подумала она и решительным шагом направилась в зал 15.

Час она мысленно накручивала себя, стараясь максимально зарядиться злостью на Дрогина. Впервые после нападения инопланетян её внутренний мир, который обрёл свои чёткие контуры благодаря понятной цели, пошатнулся. У Оксаны же было всё решено: мобилизация, тренировки (сейчас она была крепче и сильнее, чем десять лет назад в свои двадцать семь), бой – и до свидания, белый свет. Смысла жить без любимых детей и мужа она не видела, прервать собственное существование не могла: только вместе с тварью. А теперь этому плану угрожала симпатия Дрогина?!

«Да что он во мне нашёл? – культивировала своё негодование Оксана. – Вокруг полно женщин, кому это интересно!»

Дрогин всколыхнул ворох приятных воспоминаний, покоившихся под грудой страданий, потерь и обид на несправедливый мир. Ухаживания мальчишек, первый поцелуй, свидания, объятия... В этой реальности было ради чего задержаться – чувства, которые возникают между двумя людьми, весёлые моменты и минуты страсти. Зачем он это сделал?

Вся красная, обливающаяся потом, Оксана неистово колотила грушу в разминочном зале. Сквозь стеклянную перегородку стены за ней наблюдали собирающиеся на трибунах сослуживцы – кто с сочувствием, кто с усмешкой. Возможно, Оксана бы вымоталась до начала своего боя, настолько поглотили её эмоции, но первой не выдержала груша.

Заглянувший в разминочный зал Дрогин застал тяже-

ло дышавшую Оксану, озадаченно осматривающую раскуроченный спортивный агрегат у своих ног, обильно присыпанный опилками.

– Наряд вне очереди за испорченный снаряд, – ровным голосом промолвил Дрогин.

Оксана подняла голову, увидела себя в отражении стеклянной стены, заметила десятки пар глаз, устремлённых на неё с трибун. Прикинула, как нелепо она выглядит в своём фанатизме, и застыдилась. Сколько времени вопрос о том, как она выглядит в чужих глазах, абсолютно не занимал её. И она прекрасно знает, кто всё испортил.

– Да хоть пять! – огрызнулась она в ответ на комментарий о штрафе.

– Пять, так пять, – спокойно ответил Вадим.

Он сделал пару касаний на своём планшете, и на часах у Оксаны брякнуло оповещение – пять нарядов, начиная с завтрашнего дня.

Время показывало без пятнадцати, Оксана направилась к выходу. «Сейчас быстро освежусь холодной водой и покажу тебе пять нарядов». Почему-то всплыл в памяти образ обнажённого Дрогина в душевой, и Оксана вновь почувствовала непонятную тревогу, угрозу всем своим замыслам и планам.

Дрогин лениво размялся, скинул китель, оставшись в белой майке и штанах защитного цвета, разулся и босиком направился в центр ринга. Ему оставалось обговорить с помощниками последние нюансы и проинструктировать свою

группу – ведь у новобранцев подобное испытание будет проходить впервые.

Оксана весь инструктаж пропустила, хотя без пяти минут уже сидела в первом ряду, готовая к вызову. Она усиленно прислушивалась к обсуждению девчонок.

– Система балльная, – поясняла Гала, – максимальный балл – 100, если тебя не уложили и ты показала много приёмов, вышла из захватов и так далее. На бой берут при 70.

По всем остальным нормативам (стрельба, физические упражнения, тактика) у Оксаны был высокий балл. Чтобы попасть на бой, осталось сдать спарринг.

– Интересно, – зашептала Тамара в ухо Оксане, – а если специально биться вяленько...

– Что ты, Тома... Система наблюдала за тобой столько боёв, и рейтинг твой известен. Здесь не обманешь, – в несвойственной для себя подробной манере ответила Оксана. – Да и кому захочется поддаваться?

Это было правдой – отомстить за свои потери мечтали многие, общий враг объединил человечество и стёр государственные границы. Порыв уничтожить непрощеных гостей мастерски поддерживался мировой пропагандой.

Прозвучал сигнал, означающий начало мероприятия. Зажглось табло, на котором высветилось обращение Всемирного Президента. Все присутствующие встали, чтобы выслушать короткую бодрящую речь и увидеть жестокие кадры нападения на Землю. Сообщение закончилось гимном Мира,

после чего на табло появилось две фотографии – Дрогина и Оксаны – с пустым окошком под портретом Оксаны. Там, вероятно, будут отображаться баллы.

Оксана скинула расшнурованные заранее берцы, отбросила жакет и выступила на ринг. По традиции рукопашного боя противники приветствовали друг друга лёгким поклоном, затем повернулись к жюри, где с Якурином сидели ещё четверо седовласых мужчин и одна полная женщина, и в последнюю очередь поклонились зрителям.

«Что ж, момент настал, – пронеслось в голове у Оксаны.– Пустые мысли прочь».

Прозвучал сигнал старта, таймер в углу табло начал обратный отсчёт. Оксана уже стояла в боевой стойке, глядя на Дрогина и не узнавая его.

Суровый и в то же время спокойный взгляд исподлобья, боевая, но кажущаяся расслабленной стойка. Она невольно залюбовалась этим излучающим мужественную ауру человеком.

«Не тупи, Оксана», – мысленно подбодрила она себя.

Поцелуй в душе.

«Да что ж такое...»

Его руки на её талии, прикосновение обнажённых тел.

«Вовремя, Оксана, вовремя!»

Нужно набирать баллы, нельзя стоять.

Оксана бросилась вперёд – Дрогин того и ждал. Он молниеносно сместился в сторону, выбросив навстречу руку так,

что атакующая с размаху ударилась об неё и позорно упала на спину.

Это было и неожиданно, и даже как-то обидно. Краешком сознания Оксана надеялась, что Дрогин ввиду симпатий не станет применять всю свою силу. Сбилось дыхание, она медленно приходила в себя.

– Смагина, ты в состоянии продолжать? – спросил в микрофон Якурин.

«Что ж я лежу-то?» – Оксана эффектным прыжком вернула себя в вертикальное положение и заняла боевую стойку.

Дыхание наладилось, пришло какое-то отчаяние. Цифры на табло продолжали бежать, а баллов было ровно ноль.

Дрогин стоял напротив, держа руки на поясе, всем своим видом выражая скептицизм и даже пренебрежение.

«Да когда же ты успел так измениться?» – подумала Оксана и тут же пообещала, что это будет последней отвлекающей мыслью. В бой!

Дальнейшее зрелище выглядело более захватывающим, нежели в первые секунды. Оксана бросалась на соперника как заведённый волчок – со всех сторон, с разбега и с прыжка, подкатывала снизу, делала подсечки, выбрасывала руки в самые неожиданные (как минимум для зрителей) моменты. Но Дрогин практически не пропускал удары.

Он держался удивительно непринуждённо и легко отступал в самые последние миллисекунды, когда казалось, что

удар настигнет его неизбежно. Максимум, за что могла себя похвалить Оксана, – учащённое дыхание противника и капельки пота на его лбу. Инициатива была полностью на её стороне. Оксана не позволила Дрогину ни применить контрприема, ни активно напасть. Но, непонятно каким образом, результатом её последней атаки стало падение. Когда прозвенел финальный гонг, она лежала под Дрогиным, удерживающим её сверху.

Избегая смотреть в глаза мужчине, который имел уникальную способность сбивать её с толку, Оксана вывернула шею, чтобы поглядеть на табло. Оно показывало 78 баллов. Результат мог измениться после совещания всех членов жюри, но Оксане казалось, что она «прошла».

– Ну что, припотел немножко? – захотелось подразнить Дрогина.

Он обернулся на табло и не смог скрыть волнения.

– Ты не готова к реальному бою, я оспарю результаты.

Нехотя ослабив хватку, Дрогин легко поднялся на ноги и, не подав руки поверженной женщине, как было принято в таких случаях среди солдат, отошёл в свой угол ринга.

Оксана, чувствуя сильную усталость, сначала села, затем уже поднялась на ноги. Чуть пошатываясь, она стояла в ожидании окончательных результатов, прикидывая в уме свои шансы.

По идее, её инициатива в бою заслуживала всех похвал. Она неумоимо набрасывалась на противника, используя са-

мые разные техники. Другое дело, что Дрогина ни разу не удалось застать врасплох. Опять же, оценивали не его, а её. Пауза затягивалась – судьи жарко спорили. Наконец, цифры табло снова пришли в движение и остановились на показателе 68.

Внутри всё оборвалось.

Звук негодования пронёсся по трибуне и тут же затих – микрофон поближе к себе придвинул Якурин.

– Безусловно, нами оценена подготовка бойца. Отличная техника, выносливость. Но где результат? Пусть телодвижений будет меньше, а результата больше. Продолжаем.

Оксана побитой собакой поплелась на своё место. Нарочито долго зашнуровывая берцы, предоставляла возможность слезам исчезнуть из глаз. Очень хотелось сбежать, но по правилам необходимо было оценивать все бои коллег и предоставлять свои комментарии на дальнейших уроках.

Она искренне пыталась запомнить применённые приёмы, техники, но в финале поединков с досадой призналась сама себе: она всё время любовалась Дрогиным, восхищаясь его движениями, поведением, его гибким и крепким телом... Это был настоящий мастер, причём чертовски привлекательный.

На перерыве, который был уже просто необходим бойцу, выстоявшему десять поединков подряд, к Оксане под села Соня. Она задорно обняла её за плечи и дружески потрясла.

– Слышь, подруга, слюни-то подбери! – Соня громко за-

хохотала, увидев краску на лице Оксаны.

«Неужели это так заметно?» – ужаснулась Оксана.

– Господи, покраснела, как малолетка какая-то, – Соня освободила собеседницу от объятий и расслабленно развалившись на сиденье, пробормотала, наблюдая за Вадимом, который обтирался полотенцем:

– Тебя можно понять...

– Да и тебя можно, – догадалась Оксана, как поддеть Со-ню, имитируя её же интонацию. – Не хватает для коллекции, да?

– Да пошла ты, – Соня несильно пихнула Оксану в плечо и отправилась восвояси.

– Ну, наконец-то стерве нечем парировать, – подбодрила Оксану Тамара. – Никто ещё её в глаза не называл шлюхой. Пойдём на ужин? Раньше, чем через час, не начнут.

Вечером поединки продолжились. Свои силы демонстрировали прочие подразделения. Уже ближе к ночи оглашали результаты в зале 15.

Судьи находились за своим столом, на ринге выстроились командиры подразделений, в том числе Дрогин. Остальные стояли у своих мест на трибунах. Там было тесно, ведь позвали весь состав – около тысячи человек.

Слово взял Якурин:

– Мы завершили смотр и готовы огласить имена тех, кто уже послезавтра будет участвовать в реальных боевых дей-

ствиях.

Впервые Оксана заметила, что голос главнокомандующего дрогнул.

– Списки подразделений поступят вашим командующим, система донесёт планы ближайшего будущего до каждого. По традиции, сегодня всем участникам, кто подходит для боевых действий, разрешено..., – он сделал паузу, видимо, подбирая подходящее слово, – кутить.

Якурин немного помолчал. Стоявший рядом мужчина, чья грудь была увешана орденами самого разного уровня, что-то зашептал в ухо генералу.

– Да чёрт с ним, – махнул рукой Якурин. – Гуляют все, отбоя нет. Завтра выходной. Послезавтра – выход! Вольно!

Судьи стали расходиться. Со всех сторон послышались сигналы – солдатам начали поступать личные сообщения, содержащие информацию об их ближайшей судьбе. Пискнуло и на смарт-часах Оксаны. Она не торопилась смотреть, понимая, что там будет написано: тренировки, дополнительные спарринги, бла-бла-бла. Но внимание женщины привлекло поведение Вадима. Глянув в свой планшет, он изменился в лице и поторопился вслед за покидающим зал Якуриным.

Оксаной овладело любопытство, но она не имела никаких шансов услышать разговор командиров. А послушать там было что.

Догнав генерала, Вадим попросил аудиенции, и главноко-

мандующий, тяжело вздохнув, скрылся с подчинённым в одном из смежных разминочных залов.

– Товарищ генерал, – начал было Дрогин.

– Да ладно, Вадик, никто же не видит, – Якурин устало облокотился к стене, снял фуражку.

– Константин Семёнович, что это значит? – Вадим показывал генералу на планшет. – С каких пор 68 баллов стали проходными?

– С тех пор как несем большие потери и непонятно для чего бережём хорошо подготовленных бойцов, – закипел генерал. – Ты прекрасно видел, насколько это девочка превосходит всех остальных!

– Да кого она там превосходит? – с деланным безразличием начал Вадим.

– Зубы мне не заговаривай! Не настолько я стар, чтобы не замечать...

– А если она погибнет? – Дрогин понял, что нет смысла скрывать свои чувства.

– С глаз долой – из сердца вон, – отрезал генерал. – Хоть делом займёшься, а не фантазиями своими.

Якурин смерил Вадима усталым взглядом и ворчливо произнёс:

– Столько баб вокруг, выбирай любую. Нет, сердечных дел ему не хватает...

Командующий направился к выходу, но Дрогин вырос у него на пути прямым столбом.

– Я иду тоже!

– Ты, дружок, своё отвоевал, – опешил Константин Семёнович. – У тебя другая миссия: баб готовить.

– Да поймите вы, – на Дрогина было жаль смотреть, – не переживу я эту потерю...

– Она делает тебя слабаком! – сочно забасил Якурин. – Будешь подгузники ей менять вместо того, чтоб руководить боем? Не переживёт он. Пережил уже раз, и ещё переживёшь, столько – сколько надо! На то ты и мужик! Не время шашни крутить, воевать надо! Не время!

– Потому и говорю, что не переживу... ещё раз.

Якурин махнул рукой, что, вероятно, означало «делайте что хотите» и поспешил восвояси.

Оксана ожидала, пока рассосётся бóльшая часть народа. Она видела и нервно шагающего прочь Якурина, и потерянного, как ей показалось, Дрогина. Вадим нашёл её глазами, но тут же отвернулся и удалился вслед за генералом. Только тогда Оксана соизволила ознакомиться с сообщением системы, поступившим на смарт-часы.

В нём говорилось о боевом выходе, который ждёт её послезавтра. Краткие инструкции касались вещей и пайка, и остальной, известной ей, информации. А пять нарядов оставались в силе, но были перенесены на другое время.

«Ну, наконец-то!» – Оксана просияла. Табличка «3 «А» как будто только и ждала подобной новости, чтобы услужливо всплыть в памяти, подкрепив её настрой и решитель-

ность. Оксана сдвинула брови и бодрым шагом направилась в казарму. Ни тени страха, ни тени волнения – спокойная решимость была искренней, что пугало всех, кто знал её.

С врагом лицом к лицу

Спустя двое суток она лежала в больничной палате с ранением в плечо. Вылазку помнила обрывками – погрузка в вертолёт, приземление, марш-бросок, нападение на землянки с купольными крышами.

Они бросали газовые гранаты в отверстия куполов, после чего те приходили в движение – и, раскрывшись металлическими лепестками, выпускали из себя огромное количество устройств – дронов, летающих взрывчаток и, наконец, самих тварей, замурованных с ног до головы в биоброню.

Оксана как будто всю жизнь готовилась к этому поединку. С первых секунд она носилась по полю боя, как сумасшедшая, выводя из строя инопланетную электронику. Оружие не причиняло вреда тварям, но именно Оксана подала пример остальным, проткнув врага в районе пупка куском арматурного стержня. Был там на самом деле пупок или нет, она не знала, но помнила, что почему-то подумала именно о нем, а по факту нечаянно обнаружила, возможно, единственное уязвимое место биоброни.

Остальные по её примеру находили себе острые палки и нанизывали тварей, как шашлыки на шампуры.

Оксану затошнило от воспоминаний, и дежурная медсестра в белом халате вовремя подставила ей утку.

Ещё одно вспомнила Оксана – удивлённые и напуганные

глаза Дрогина. Запах палёного мяса. Её снова стошнило.

Стало легче.

Немного ныло плечо, медсестра объяснила, что это последствия ранения от инопланетного оружия. Позднее, на процедуре восстановления (Оксана лежала в капсуле и наблюдала, как прожжённую выемку на руке волокнами заполняют два металлических манипулятора) боль не чувствовалась, но наблюдение за тем, как штопают рану, отрезвляло, возвращало память. Приспособления, как маленькие паучки, резво штопали зияющую «дыру» в руке тонкими нитями – синтезированной в лаборатории тканью, идентичной человеческим мышцам.

«Почему я осталась жива?» – вопрошала Оксана. «Повезло», – слышала она шепотки за своей спиной. Но повезло ли?

Мрачное настроение попытался прервать зашедший в палату Дрогин. В накинутом на плечи белом халате он выглядел строгим и даже холодным.

– Как себя чувствуешь? – подошёл спросить командир её лично.

– Вроде нормально, – просто ответила Оксана.

– Наша часть неплохо справилась. Тебе объявят благодарность как уничтожившей наибольшее количество тварей.

Оксана кивнула. Информация о награждении ни в какой степени не тронула её. Да и в голосе Дрогина гордости за свою подопечную было мало.

Он как будто хотел сказать что-то ещё, но кивнул и вышел.

Оксана проводила глазами спину Вадима и уловила глубоко внутри тоскливое чувство. Больше всего пугало то, что оно никак не касалось её прошлых потерь, а, скорее, предвещало будущее...

Буквально за два часа маленькие умные роботы полностью зашлифовали выжженный кусок её руки. Только округлый белый шрам на плече напоминал о месте ранения. Рука немного ныла, но в целом Оксана чувствовала себя хорошо.

Из последних сообщений системы, поступивших на смарт-часы, она узнала о свежих новостях: их часть освобождалась от вылазок на два дня благодаря множеству отбитых трофеев и уничтоженных тварей.

Пока Оксана находилась в стационаре, была возможность изучить подробно информацию о врагах. Она и раньше спрашивала себя о причинах поражения человечества. Технологическая отсталость – это понятно, но почему не препарировать пришельца и не выдать военным все слабые места?

За месяцы войны инопланетяне трижды модифицировали свои защитные скафандры – и вот удача – именно Оксана волею случая обнаружила слабое место последней модификации, произошедшей не более недели назад. Это позволит эффективно истреблять врага, пока у него не произойдёт очередной апгрейд. Видимо, инопланетянам приходилось нелегко, они не могли менять «правила игры» чаще, и оперативно найти уязвимости было важной стратегической задачей.

Безусловно, за подобными успехами следовали все торжественно-пропагандистские процедуры. При всём составе части Оксану наградили в том самом 15-м зале, Дрогин лично вешал ей на грудь первую медаль, избегая смотреть в глаза. Оба понимали, что ценность момента весьма сомнительна и не соответствует истинным стремлениям что одного, что другого.

После церемонии Оксану пригласили в кабинет штаба. Якурин, откашлявшись, сообщил, что она выбрана для спецоперации по захвату живой особи. Учёные разработали усыпляющий состав, а также орудие, похожее на жезл полицейского мирных времён, оканчивающееся иглой, вылетающей автоматически при соприкосновении с органикой.

– Поражай их столько, сколько сможешь. Нам пригодится весь биологический материал, – торжественно заканчивал объяснение личной задачи Якурин. – В случае успеха командование готово выполнить разумные пожелания вплоть до отправки в тыл на положение детороженицы. Обсуждаемо.

Всё это время в углу, опустив голову, сидел Вадим. Удручённый мыслью, что Оксану вновь отправят в самую гущу событий, он не находил в себе сил держаться спокойно. Оксана же списала это на злость от отсутствия взаимности. А пронёсшаяся в голове мысль, что и не было, возможно, у Дрогина никакого к ней серьёзного интереса, вновь вызвала противное тоскливое ощущение, затаившееся глубоко внутри.

Неделю Оксану держали на базе, хотя девчонки выбирались за это время в бой дважды. После первой поездки не вернулась Галя. Наблюдая за её поминками, Оксана оставалась спокойной. Почему-то её мужа, трудящегося над восполнением человеческого генофонда, ей было жальче. А Галя, вроде как не скучала в последние дни своей жизни.

Но когда после второй вылазки наряду с десятком погибших не вернулась Соня, Оксане вдруг стало грустно. «Что есть наша жизнь? – размышляла она. – Зачем вообще мы живём, если всё... так? Если есть дети, очевидно, ради них. А сейчас... Вот была Соня, которая согревала добрую половину сослуживцев своим теплом, раздражала кого-то своим чувством юмора. Но это была интересная личность». С уходом Сони в мире стало ещё более пусто, как будто это в принципе было возможно.

– Кто-то умирает, а кто-то рождается заново, – как всегда, философски произнесла Тамара, любившая оказаться рядом в минуты глубокой задумчивости Оксаны.

Тамара вытерла слезу, скатившуюся по щеке подруги.

– Подумай уже о себе, может, стоит...

– Нет! – рявкнула Оксана. Все эти сантименты изрядно её бесили. Или она забыла, зачем стремилась сюда?

Послезавтра должна состояться следующая вылазка. «Послезавтра или никогда!» – решила про себя Оксана. Ей определённо не по нутру приходился возрождающийся вкус жизни.

В день боя Оксана, собранная и немного отрешённая, зашнуровала свои ботинки, проверила заряд смартфонов, наличие аптечек, размещённых в двух карманах, паёк, закрепила шприц-дубинку на бедре, и в нетерпении притопывала у лифта, ожидая остальных девчонок.

Те, поникшие, без особого задора собирались в кучку, подгоняемые Дрогиным. Сегодня они ехали небольшой группой зачищать остатки врага, оказавшегося, по сведениям командования, без поддержки основных сил. Этот факт давал надежду на получение пленных тварей для их последующего изучения и опытов.

– Почему с нами Дрогин? – слышала Оксана вопросы сослуживиц.

Ему было положено оставаться на базе. Как обладатель уникальных тренинговых навыков, он был крайне ценен для обучения солдат, особенно женщин – не слыл бабником, умел быть и настойчивым, и тактичным. Наверное, командир с ними из-за особенного задания, о котором Оксане было велено не распространяться.

На нужном месте, в районе металлических куполов, всё казалось брошенным. Крыши в движение не приходили, никто оттуда не появлялся – гранаты, отправленные в отверстия, не помогали. Один из куполов на краю «ячейки» стоял открытым – железные лепестки торчали в четыре стороны под углом 45 градусов. Предусмотрительно брошенная

внутри граната планово взорвалась, за чем не последовало никаких движений. Ситуация была нестандартная.

Оксана растерянно оглядывалась по сторонам, недовольная угасанием боевого настроения. «Вообще-то, кое-кто планировал сегодня встречу с родными на том свете», – бурчала она про себя, озираясь по сторонам в поисках врага и пиная металлические купола.

Дрогин пытался получить дальнейшие указания у штаба, но связь не работала. Смарты всех участниц демонстрировали отсутствие сигнала, что было нетипично. Страх и волнение накануне боевых действий переросли в напряженное недоумение. По плану забирать их прилетят через два часа – всё шло к тому, чтобы просто ожидать транспорт для возвращения. Однако спокойная обстановка начала настораживать.

– Слышь, командир, – подала голос Тамара, – не так что-то.

Эта женщина не раз демонстрировала высокий уровень чувствительности к ситуациям и людям.

Оксана поймала себя на ощущении, что слышит едва заметный звук, похожий на ослабленный в несколько раз писк комара. Она подошла к единственному инопланетному сооружению с открытой крышей, прислушалась. Звук нарастал, но не этот объект был его источником.

– Ложись! – вдруг заорал Дрогин и прыгнул на Оксану, обхватив её и унеся с собой аккурат в глубину купола. Оба

грохнулись на пол, но для неё удар был смягчён телом командира, который при падении умудрился поменять положение. Подумать об этом не успела, так как сверху начало сверкать и взрываться – на них посыпались комья земли, ветки деревьев. Запах озона защекотал ноздри.

Всё закончилось через несколько минут, и Оксана, наконец, сообразила слезть с Вадима.

Она осмотрелась. Помещение оказалось похожим на колодец с гладкими стенами, а до отверстия наверху было примерно пять метров. Как же отсюда выбраться?

Впервые за долгое время на Оксану нахлынула паника. Но боялась она не за себя – как там девчонки? Это чувство эмпатии к сослуживицам проснулось неожиданно и до боли сжало сердце. Она представила их, жестоко сжигаемых инопланетными лазерами. Ей казалось, она слышит крик Тамары, и тогда она закричала сама...

Нашли время

Темнота и запах гари.

– Очнулась?

Это голос Дрогина.

Оксана открыла глаза.

Болела голова и саднил локоть.

Дрогин полулежал, облокотившись на стену «колодца».

В полумраке (на улице темнело) она разглядела его бледное лицо и тёмное пятно в районе бедра.

– Ты потеряла сознание... Помнишь? – Вадим пристально смотрел на Оксану, пытаясь оценить её состояние. – Хотя я сам потом отрубился.

Между тем он говорил слабо и с перерывами. Ранен? Оксана догадалась, что командир мог потерять много крови. В него попали? Она подползла ближе.

– Ты ранена? Что-то болит? – задавал вопросы Дрогин. – Ты закричала... И грохнулась на пол.

Оксана глянула вверх. Лепестки крыши по-прежнему торчали в четыре стороны. Веяло холодом. Только она об этом подумала, как замёрзла.

Часы всё ещё не ловили сигнал, но заряд был хороший. Она включила режим фонарика и осмотрела бедро Дрогина.

Дела были плохи – сквозь порванную ткань, пропитанную кровью, торчала кость. Чуть сверху нога была стянута жгу-

том.

Оксана заволновалась и глянула на командира. Уж не умрёт ли он прямо сейчас на её глазах? Похоже, Вадим потерял много крови, пока был без сознания.

Он смотрел на неё спокойно и даже с улыбкой.

– Когда должны прилететь за нами? Час остался? Ты вообще как?

Вадим ответил не сразу.

– Они уже были...

Оксана проглотила ком в горле.

– Я пытался орать, но вертолётные двигатели не глушили. В связи до сих пор нет. Боюсь, нам придётся здесь ночевать.

Оксана достала аптечку – два лёгких контейнера из боковых карманов. В наличии антидот, обезболивающее, тонизирующее, антисептики и бинты. Но как помочь при открытом переломе?

– Это уже употребил, – кивнул Дрогин на антисептик.

Она потёрла виски. Конечно, этому обучали – каких-то месяца три назад она сдала медицину и первую помощь на отлично. Надо вправить кость.

Оксана приблизила лицо к ране.

– Не... Не трогай, – заволновался Дрогин и вытянул вперёд руки, отгородив ногу. Она и думать боялась, насколько это больно сейчас и как будет больно, когда она сделает то, что нужно.

– Спокойно, командир, – сказала она твёрдо. – У меня сей-

час прекрасный шанс отомстить за позорное поражение на спарринге. Не мешай.

Дрогин слабо улыбнулся, ему понравилась шутка.

Он глубоко вдохнул, выдохнул и убрал руки за голову.

Оксана положила руки выше раны, как учили, но Дрогин встрепенулся и убрал их.

– Нет, нет, подожди...

– Хорошо.

Оксана убрала руки за спину, а сама придвинулась ближе и наклонилась к Вадиму. Глядя ему в глаза, она прошептала:

– Вадим, мы же умрём тут, ты понимаешь?

На её глазах выступили слёзы. Вадим нежно погладил её плечи, желая успокоить напуганную женщину.

– Ты понимаешь – всё. Это всё.

Слеза скатилась по щеке. Оксана наклонилась ближе и прильнула к губам Дрогина. Он чуть крепче сжал её плечи и ответил на поцелуй. Приятная истома наполняла тело, пока вдруг не прозвучал едва слышный хруст, и ногу Вадима не пронзила острая боль невиданной силы.

Дрогин отпрянул от Оксаны, взыв от боли. Спустя секунду он понял, в чём дело. Руки женщины до сих пор лежали выше раны на его бедре – одна на другой. Она только что вправила ему кость. «Операция» прошла, судя по всему, успешно, и Вадим не мог не заметить самодовольные «интонации» в устремлённом на него взгляде.

– Ах ты хитрая... стерва, – беззлобно выдохнул Вадим. –

Хорошая актриса, а я-то подумал...

– А ты не думай.

Снова рана жестоко напомнила о себе – Оксана обильно полила её спиртом, когда только пузырёк открыть успела?

– Да ё моё! – Дрогин сжал зубы и часто задышал. – Когда ты успеваешь это всё...

Оксана не думала останавливаться. Необходимо было сделать ещё пару обязательных процедур. Сначала она разорвала штанину, оголив место ранения.

Затем вложила в рот Дрогина обезболивающую таблетку из узкой стеклянной пробирки, «не помогают ни фига», – пробурчал командир. Вадим весь вспотел и часто дышал. Но ей предстояло важное дело, требующее не меньшего, чем у пострадавшего, мужества.

– Слушай, – обратилась к нему Оксана, – ты сам понимаешь: рану надо зашить. Давай тебя вырубим. Прибавь мои две таблетки «безболсна» – хорошая доза, чтобы крепко заснуть.

Дрогин отрицательно мотнул головой.

– Я так и думала.

Нащупав на полу ошмётки толстой ветки, попавшей сюда после одного из взрывов наверху, она протёрла её и поднесла к лицу Вадима. Он послушно взял её в рот и сомкнул зубы.

– Чур, больше не целуемся, – пробурчала она.

Оксана волновалась – ей предстояло впервые на живом человеке заштопать рану. Она очень боялась, что не спра-

вится, и эти шуточки, озвучиваемые зачем-то её ртом, были следствием именно испытываемого страха.

Дрогин же умудрился улыбнуться с палкой во рту. Он одновременно страдал из-за своего положения и наслаждался ситуацией – Оксана вела себя крайне нетипично, что вызывало удовольствие.

– Шпашибо, что напомжила, – произнёс он, – шамое время...

«Какой-то сюр, – подумала Оксана, – два человека с нулевыми шансами на спасение целуются и шутят друг с другом в милой пещерке. Недавно мне штопали плечо нанороботы, а сейчас я должна зашить рану собственноручно, как будто мы в попали в средние века».

Она достала из другого кармана штопальный набор – игла с прикрепленным биологическим волокном. Окунув инструмент в спирт, решительно взялась за дело.

Вадим держался мужественно. Таблетка всё-таки подействовала, но нога дёргалась каждый раз, как игла вонзалась в кожу. Оксана сосредоточилась на процессе. Стежки были аккуратными, хоть и делались дрожащими руками. Когда-то она штопала любимые дочкины джинсы, которые порвались на качеле...

Вот рана зашита на совесть – ровный шов виднелся поперёк бедра, но кровь, хоть не сильно, продолжала проступать.

Дрогин полулежал с закрытыми глазами. Она потрогала его лоб – нормальный, только липкий от пота.

– Ну вот и всё, вот и всё, – сказала она убаюкивающе, а Вадим был и рад передохнуть. Он разомкнул челюсти, выпустив палку изо рта.

– Вообще-то, было не очень больно, – проговорил он слабым голосом, – зря только ветку обслюнявил.

Оксана расхохоталась. Палка во рту раненого героя – это откуда-то из довоенных фильмов. Сейчас она действительно была чуть более, чем бесполезна. Улыбался и командир, впервые слыша смех Оксаны.

Однако оставалось последнее. Оксана проворно намотала вату на продолговатую пробирку, где были запечатаны обезболивающие таблетки. Вылила остатки спирта и подожгла, а затем, недолго думая, приложила горящий тампон к заштопанной ране на ноге командира.

Их учили, что такой варварский способ дезинфекции до сих пор остаётся одним из наиболее надёжных в экстремальных условиях. К тому же при высокой температуре запекается биоволокно, становясь защитной коркой.

– Чёрт! – закричал Дрогин, но нашёл в себе силы не отпихивать Оксану.

Неприятный запах обожженной плоти ударил в ноздри, Оксана еле сдержала рвотный порыв.

– Суровая ты женщина, – Дрогин отдышался, вытер лоб. Даже попытался улыбнуться.

Она наклонилась ближе рассмотреть рану. Волокна расплавились, но не разорвались, а припечатались к коже, об-

разуя вместе с запёкшейся кровью надёжную «нашлёпку». Кровь не сочилась. Судя по всему, она сделала всё идеально, насколько позволяли условия.

Наконец, она присела рядом, облокотившись на стену. Её немного потряхивало – и от стресса, и от холода. Она достала бутылку воды, попила сама и протянула Дрогину. Затем вспомнила про уколы – требовалось повторить Вадиму для профилактики заражения. А ещё необходимо примотать к ноге что-то крепкое. Эх, им бы оказаться на базе, там кости смогут зарастить за час, если не быстрее...

Однако Вадим – молодец, сам воспользовался аптечкой и воткнул себе укол. Потом достал какое-то приспособление, похожее на сплетение чёрных резинок – обернул вокруг повреждённой ноги, что-то нажал – и эта «сетка» плотно обхватила бедро. А затем пространства между образовавшимися ячейками затянуло какой-то массой.

– Не думал, что эта хрень мне когда-нибудь пригодится.

Оксана таких штукovin не видела, но полагала, что это одно из изобретений последних дней (если не часов). После начала войны с захватчиками новые технологии появлялись чуть ли не ежедневно. В руки людей попадали предметы инопланетян, их комбинезоны, оружие... То, как ей штопали дыру в руке, тоже было невозможно хотя бы с месяцем назад. Где-то глубоко в подполье трудились самые светлые умы, за что им огромная благодарность.

Дрогин опёрся на пол, согнул здоровую ногу и встал.

– Эй, далеко собрался?

Он ухмыльнулся и сделал пару шагов, опираясь на обе ноги! Оксана не ожидала такого.

– Болит, – скривился Дрогин, – но ходить можно. И просто ещё чуть-чуть...

Он качнулся, Оксана успела придержать сползающее обратно на пол тело.

Развалившись на полу, Вадим что-то пробурчал и то ли заснул, то ли потерял сознание.

Пусть спит, а она пока обследует помещение, в котором они оказались.

Пол примерно три метра в диаметре, на нём ветки, комья земли. Стены абсолютно гладкие. А наверху – небо и звёзды. И холод.

Мда, ситуация...

Воспользовавшись моментом, Оксана справила малую нужду в дальнем, если можно так сказать, углу. Чуть полегчало.

Она походила немного по периметру, растёрла озябшие руки. Достала из кармана свёрток. Прообразом вещи была плащ-палатка, защищавшая от ветра и дождя. На порядок модернизированная ткань обеспечивала комфорт хозяину, умудряясь использовать температуру тела для генерации дополнительного тепла. Специальный вид молекул-бактерий начинал интенсивно размножаться вблизи человеческой кожи, и этот процесс производил тепло.

У Дрогина должен быть такой же. Будить его не хотелось – Оксана пошарила по карманам и найдя тряпицу, расстелила её на полу, перекатила туда Вадима, который что-то промычал, но так и не пришёл в себя, легла спиной к его спине и накрыла своим плащом обоих.

Прежде чем уснуть, Оксана с удивлением отметила, что ей интересно, что случится завтра... По привычке она попыталась призвать воспоминания прошлого, но воображение неожиданно визуализировало следующую картинку: улыбающихся детей обнимал муж. Они смотрели на неё, и Михаил произнёс: «Оксана, будь счастлива», а дети активно кивали головами. Ожившая семейная сцена годовой давности: она спрашивает, кто будет жареную картошку на ужин, все дружно кивают. А «будь счастлива» взялось откуда-то из другого места...

Оксана зашмыгала носом. Но как быть счастливой, и, главное, зачем?

Ночью ей снилось, будто спит она на жёстком диване у свекрови. Они тогда после свадьбы приехали к родителям мужа в деревню. Спальное место было неудобным, она долго ворочалась. Снилось ей, будто лежит она, заснуть не может, а муж прижимается к ней сзади и обнимает. Так стало уютно от этих объятий, что Оксана проснулась. И обнаружила, что её обнимает Дрогин.

Сначала возмущение охватило её – она чувствовала себя обманутой. Попыталась вырваться, но Вадим не отпустил.

Он придвинулся к ней ещё плотнее и зашептал на ухо слова благодарности за вчерашнее и всякие нежности о том, как она его восхищает, как ему тяжело было на ринге. Он рассказал о своих потерях и поделился, что тоже не видел смысла жизни. Якурин уговорил Вадима на год контракта, а затем он также рассчитывал умереть в бою, потому что жизнь без родных его не прельщала.

Стоит ли говорить, как был удивлён своим чувствам к Оксане? Они нахлынули внезапно, он быстро понял, что только она в силах изменить его приоритеты.

Вадим страстно шептал обо всём, касаясь губами уха и шеи Оксаны, согревая её своим жарким дыханием.

Негодование таяло, как снег под лучами солнца. Оксана почувствовала радость оттого, что спасла человека. А ещё она больше не могла себе врать, что его объятия ей неприятны.

Высказавшись, Дрогин ослабил хватку, как бы предлагая ей свободу выбора – остаться с ним или отстраниться. Оксана развернулась к нему лицом. Увидев его так близко, она вспомнила поцелуй в душе, его красивую крепкую фигуру, его поведение на спарринге. Чёрт возьми, она хочет этого мужчину. И если однозначно скоро умирать, почему бы и нет?

Несмело протянула свою руку к его лицу, провела по щеке. Тело Оксаны просыпалось вместе с воспоминаниями о том, как приятно быть с мужчиной.

Вадим трактовал эти действия как положительный ответ, и случилось то, о чём он давно мечтал.

В плену врага, в плену сомнений

Не прошло и минуты после случившегося, как Оксана начала глубоко сожалеть о том, что поддалась соблазну. Вадим по-прежнему казался ей привлекательным, и вместе было очень хорошо, но она злилась на себя за проявленную слабость. Дрогин почувствовал напряжённость и пытался разговаривать её, но Оксана ушла в себя.

Масла в огонь добавил факт, что связь появилась. К ним уже летел спасательный вертолёт. Если бы она глянула на часы раньше, может, интима удалось бы избежать!

«Да что с тобой, ну было и было, – вела сама с собой мысленный диалог Оксана. – Эх, ты, зачем тебе этот крючок – ты же так успешно отвыкла от близких отношений».

Она бесконечно вздыхала и чувствовала сильную напряжённость. Было и жаль Дрогина – дала ему надежду– и одновременно злилась на него за то, что сбил её с выбранного пути.

А может, не сбил? В конце концов, взрослые люди. Он не обязан на ней жениться или что-то вроде того. Пусть воспринимает близость как благодарность с её стороны за знаки внимания... Нет, убеждала она себя, не свернула, а всего лишь ненадолго забежала «в кусты» справить физиологическую нужду, и теперь вернулась на свою дорогу – продолжать путь.

– Слушай, – она обратилась к Дрогину, чувствуя необходимость всё-таки обсудить произошедшее, – только не воспринимай случившееся, как что-то...

Вадим разочарованно смотрел на женщину, которая совсем недавно была в его объятиях такой нежной и любящей и щедро дарила ему свою ласку.

– Короче, мы не пара, понятно?

Он притянул её к себе.

– Чего ты боишься, Оксана?

– Я не боюсь, я не вижу смысла.

– Смысл урвать хотя бы кусочек... счастья, общения, – Вадим искал в глазах любимой хоть намёк на былую взаимность, – пока не...

Оксана почувствовала, что снова рискует растаять, и ничего лучше не придумала, как грубо оттолкнуть командира.

Вадим неловко отступил, припав на большую ногу, и только появившийся звук лопастей вертолёт заставил его отказаться от попыток дальнейших объяснений.

Эвакуация прошла чётко, прилетел лично Якурин. Он с первого взгляда на обоих понял, что произошло с этой парочкой. Вкратце объяснив, что случилось с группой (погибли все, техника на базе барахла), командующий высказал основную версию произошедшего. Захватчики сменили тактику. По территории нанесён волновой удар, повреждающий оборудование. Госпитали остались без энергии.

Якурин сообщал новости, перекрикивая гул вертолёт.

Дрогин кивал, хотя мысли его были далеко. Давно забытые чувства будоражили командира. Разве мог он надеяться, что снова будет испытывать счастье от отношений с женщиной? Прошлая ночь сделала его самым счастливым человеком в мире. Ужасы войны отступили, жить хотелось, как никогда, хотелось свернуть горы, победить врага и начать отстраивать свою личную историю. Но утро разрушило воскресшие мечты. Оксана прятала глаза. Он был уверен, что на короткое время она была искренней. А теперь снова кутается в свою трагедию, как в старую бабушкину шаль, изъеденную молью.

Задача вернуть к жизни любимую женщину конкурировала с чувством долга. Наверное, в его силах помочь человечеству справиться с врагом. Чтобы не было больше на свете таких несчастных Оксан, закрытых для любви, намеренно отказывающихся от благ счастливой жизни.

– А я считаю, что у них тоже ресурсы на пределе! – орал рядом Якурин. – Сам подумай – максимальная отдача на первую атаку. Затем эти перерывы. Слишком быстрый поиск уязвимости в последней модификации. А теперь пошли другие техники! Это надежда, Вадик!

Он снова кивнул.

Внезапно всё стихло.

Оксана поняла, что лопасти перестали крутиться. На долю секунды вертолёт повис в воздухе, а затем камнем полетел вниз.

– Всем прыгать! – скомандовал Якурин и первым покинул

салон, так как сидел ближе к выходу.

Бросил штурвал пилот, поднялись с мест Вадим и Оксана, но резко упали обратно. Вертолёт окутала энергетическая сеть.

Пилот и пассажиры почувствовали электризацию воздуха, и все потеряли сознание.

Мерный гул, едва заметная вибрация. Тепло. Оксане снилось, что она на пляже – лежит на мягком песочном берегу, согреваясь после купания. На мокром теле прилипшие песчинки, а со стороны моря лёгкий приятный ветер и крики довольной малышни. Маленький сын на руках Михаила визжит от страха и восторга, а дочка носится по берегу и смеётся, наблюдая за реакцией брата. Это они впервые ездили на курорт после рождения детей. Прекрасный отпуск...

– Эй, подруга, – Оксану кто-то тряс за плечо.

Она открыла глаза и увидела лицо Сони.

«Смерть? Уже?», – первое, что пришло в голову. Но мёртвые разве видят сны?

– Соня?

Соня наслаждалась реакцией.

– Соня спросонья, блин, – добрый вечер.

Оксана осознала себя лежащей на чём-то мягком. Она села и огляделась.

Огромное помещение заливал свет, источник которого был непонятен. На Оксане белый слитный комбинезон из

тончайшей ткани – нет ни пуговиц, ни молнии. Под ней – из такого же материала мягкий матрас, который висит над полом в паре десятков сантиметров от него.

Вокруг огромное количество людей – все в одинаковых облегающих белых комбинезонах. В тишине раздаются отголоски тихих разговоров, периодически прерываемые волной вибрации.

Оксана вскочила на ноги, Соня тоже поднялась.

– Спокойно. Мы в плену.

В помещении не меньше сотни мужчин и женщин. В основном лежат и сидят, на вскочившую на ноги Оксану ближайšie пленники подняли головы.

– Спокойно, значит, – повторила Оксана. – Мы в плену.

– Именно.

Соня казалась невозмутимой. Она плюхнулась обратно на невесомый матрас и расслабленно улеглась набок, опершись на локоть.

Оксана испытывала сильную тревогу. Где враг? Виновник её потерь близко. При первой же возможности, при первой же возможности...

– Оксана! – позвали откуда-то сбоку.

К ней уверенным шагом шёл Вадим.

– О, командир Дрогин, – Соня вскочила в стойку смирно.

– Вольно, не на службе, – Вадим не решался обнять Смагину, был очень рад её увидеть целой и невредимой.

Соня закатила глаза и улеглась обратно.

Дрогин всё-таки погладил Оксану по плечу, как будто для удовлетворительного заключения о её здоровье был необходим тактильный контакт.

Командир был в таком же, как у всех, комбинезоне. О раниении ноги ничего не напоминало. Как будто угадав мысли Оксаны, рассматривающей его с любопытством, Дрогин пояснил:

– Ни следа от раны. Никакой боли. Едва заметный белый шрам.

Оксана кивнула.

Немного поколебавшись, она присела на своё «койко-место» и пригласила Дрогина присоединиться.

– Ну, Соня. Что тут за обстановка? Вы их видите? Как с вами обращаются?

Соня нехотя поднялась и зевнула. Ох, и любит она время потянуть.

– Гасят весь негатив. Атмосфера спокойная. Мы вроде все всё понимаем – и что они враги, и что сами в плену, но агрессии нет. Точнее, как сказать, она не проявляется. Понятно, что любовью к тварям никто не проникся...

– Они показываются? Как они вас контролируют?

– Вон там силовое поле, больно касаться. Иногда забирают народ, раз в день, может. Сегодня уже были.

– И?

– Что «и»? И больше их никто не видит...

Силовое поле. Оксану заинтересовало именно это.

– Что значит «больно касаться»? – спросила она. – Это ожог, или что?

– Не уверена, – ответила Соня, – это не физически больно. Это как-то крайне неприятно. Как будто нервы сверлят...

Допрос Сони с пристрастием скоро сошёл на нет. Она начала зевать, отвечать односложно, да и Оксана с Вадимом чувствовали сонливость и усталость.

– Они гасят нашу энергию, – вяло произнёс Дрогин. – Ну и ладно. Пойду к себе.

Он встал, а Оксана, ещё раз окинув взглядом этот трюм, поинтересовалась:

– А куда «к себе», Вадим? Ты запомнил своё место?

Вадим на секунду задумался, потом пожал плечами:

– Я знаю, что оно там. Знаю, что надо идти.

– Да, – зевая, вмешалась Соня. – В нужное место надо вовремя идти.

Дрогин поплёлся прочь, а Оксана заставила себя побороть сонливость и отправиться вслед за Вадимом, минуя десятки зависших над полом матрасов.

Он дошёл до пустого и улёгся на него. И тут она поймала себя на мысли, что её прямо тянет обратно. Огляделась – пленные укладывались по местам, она никогда не отыскала бы своего места, но что-то управляло ею. Она поддалась стремлению и оказалась снова напротив Сони.

Свет потускнел. Вокруг всё притихло, от ближайших соседей слышалось только ровное дыхание.

Оксана улеглась с тревожными мыслями. Последним в сознании промелькнуло умозаключение о том, как неприятно быть марионеткой чужой воли.

Проснувшись, Оксана уселась и огляделась. Люди вставали, потягивались, вяло переговаривались. Соня приветливо улыбнулась.

– Еду дают там, – она указала в сторону одной из стен. – Это тубики с питательной смесью. Очень вкусно. Раз в день покормят, и дальше не голодный...

Соня встала.

– А умыться, туалет? – спросила Оксана.

– Ты хочешь в туалет? – задала встречный вопрос Соня.

Оксана прислушалась к своему организму.

– Нет.

– Вот и никто не хочет.

– А как это...

В ответ Соня пожала плечами и отправилась за пищевым тубиком.

– Привет.

Вадим подошёл поздороваться.

– Привет.

– Пойдём – посмотрим, что за еда?

– Может, не надо?

Оксана попыталась объяснить:

– Вдруг еда тоже подавляет наш центр воли или ещё что.

– Пожалуй, что так, но мы в плену. Надо выживать.

– Надо что-то делать. – Оксана с тревогой озиралась. –
Смотри, они все апатичные и ленивые. И мы такие же станем. Ты почувствовал вчера?

Вадим кивнул.

– Может, чем больше тут находишься, тем становишься безвольнее. Где там дверь отсюда?

– Силовое поле.

– Да, но если воздействие идёт на... что? На волю, на поведение? То, наверное, с каждым днём сопротивляемость тает.

Почти все присутствующие скопились у стены, где давали пищу. Со своим тубиком вернулась Соня. С наслаждением потягивая содержимое, она снова уселась на «кровать».

Вадим и Оксана синхронно направились к силовому полю.

Подойдя, Вадим коснулся пальцем едва видимую пелену и одёрнул его поморщившись.

– Неприятная штука, – он зажмурил глаза. – Какая-то смесь ощущений, как будто одновременно сверлят зуб без обезболивания, плюс откусил лимон, и сильно хочется в туалет, а ещё страшно.

Попробовала и Оксана. Она запустила ладонь в прозрачную пелену. Вначале руку зацепало – как будто она её отлежала, и кровь возвращалась в жилы. Затем накрыло мощнейшее чувство дискомфорта.

Она вспомнила, когда была девчонкой, слушала рассказы родителей о каком-то храме с огромным количеством ступенек, попасть в который способны единицы. Дескать, на людей распространялось невидимое поле, и дойти в храм могли самые «чистые», не обременённые грехами. Оксане тогда очень захотелось испытать себя в том храме.

Неприятные ощущения нарастали, участилось сердцебиение, то и дело тело сковывала судорога, но эта боль отрезвляла Оксану. Разве может она пережить что-то более ужасное, чем то состояние в день нападения? Разве сравнится этот инопланетный заслон по силе своего воздействия с эмоциями, испытанными при виде мертвых детей, лежащих аккуратными рядами возле указателя с табличкой «3 «А»?

Потоки боли накатывали волнами, а Оксана упрямо лезла сквозь пелену.

В какой-то момент ей показалось, что она умирает. В голове пронеслись на бешеной скорости отрывки разных моментов жизни, закончившиеся сценами тренировок на базе 147. «Отмороженная», «отмороженная», «отмороженная», – прозвучало в мозгах на все лады.

Оксана сделала шаг и ещё один. Давило на уши, из глаз шли слёзы, ритмы сердца слились в бесконечную пульсацию, под комбинезоном было мокро – вмиг пропотело всё тело.

Нахлынула очередная волна боли, но она была встречена всё той же табличкой. Картонка с кривой надписью маркером стала непреодолимым препятствием для психологиче-

ского воздействия. «Меня нечем больше испугать, – заявила Оксана инопланетной субстанции, – всё самое страшное я уже пережила. Благодаря вам».

Ещё шаг наперекор сопротивлению среды, наперекор ощущениям, кричащим об опасности для организма.

«Нет, нет, нет», – остатки сознания боролись с обстоятельствами. «Конечно, я умру, – пронеслось в голове, – но чуть позже и с кем-нибудь из вас в придачу».

Ещё один шаг.

Оксана почувствовала, что выбралась из какого-то киселя, и упала на вибрирующий металлический пол. В глазах разноцветные круги, кровь из носа, кружится голова – она медленно приходила в себя.

– Оксана! – услышала она приглушенный звук и обернулась.

Из помещения с пленниками на неё смотрели Соня и Вадим.

Она прошла сквозь заслон.

Вряд ли ей удастся долго бродить на свободе. Но пора браться за дело. Цель близка как никогда. Она проникнет в кабину управления и сделает что-нибудь такое, такое, такое...

Оксана посмотрела в глаза Вадиму. Возможно, они больше не увидятся. Она улыбнулась, посылая своему недавнему любовнику взгляд, полный тепла. Дрогин беспомощно топтался перед заслоном, повторяя попытки последовать за до-

рогой сердцу женщиной, но тщетно. Каждый раз ощущения были нестерпимые – смесь боли, паники и отчаяния заставляла отступить.

Что ж, Оксане пора действовать.

Бывшая пленница встала на ноги, осмотрелась. Место, в котором она оказалась, выглядело, как высланный металлическими стеблями тоннель. «Стебли» переплетались между собой и как будто дышали – вибрации пронизывали всё окружающее пространство.

Сознание прояснялось, сердце уже не колотилось, как бешеное, в голову пришли рациональные мысли.

Нужно вспомнить строение кораблей тварей – парочка таких была сбита людьми и тщательно изучена. Условно названный «вентиляционный короб» – соединяющий все отсеки воздухопровод, служивший для коммуникационных целей. Через молекулы воздуха подавались различные сигналы и информация. У нас это кабели, а у них воздухопровод, назначенный кабелем. Теоретически можно использовать для скрытых перемещений, но в то же время нахождение физического тела искажает поступающие данные, и рано или поздно помехи привлекут внимание.

Что ж, хорошо училась Смагина! Оксана без труда определила «точку входа». Взявшись за «стебли» она потянула их в стороны. Непонятный материал был одновременно и прочным, и гибким – какое-то время он сохранял придаваемый ему вид, постепенно возвращаясь к первоначальному состо-

янию. Оксана как бы выдёргивала технологические лианы из общего слоя переплетений, растягивала и изгибала, формируя нору для проникновения внутрь. Ей пришлось проделать эти манипуляции со всеми стеблями, разобрав весь слой, пока не образовался проход. Туда она и нырнула, скрывшись от взглядов пленников.

Дрогин ещё несколько раз порывался последовать за ней, но всякая попытка оборачивалась неудачей, пока Соня не потянула ослабленного командира прочь от силового поля.

Жизнь и смерть в космосе

Коннекторный воздуховод (кажется, именно так он обозначался на схеме кораблей) огибал весь периметр и спиралью соединял верхние и нижние палубы. Теоретически в конце пути Оксану ждал мусорный отсек. У тварей тоже были отходы жизнедеятельности, и вообще, они на удивление имели мало внешних отличий с человеческой расой. А цвет кожи – голубой – ну и что? На Земле есть и темнокожие. Какая разница, какой оттенок?

Оксана передвигалась на четвереньках, прутья технологических стеблей больно давили на колени. Всё ещё шумело в ушах, и пот капал со лба после пережитого испытания. Она ощущала сильное утомление – ей бы полежать, но невозможно, сейчас невозможно.

Куда направляться? Попробовать поискать отсек с летательными аппаратами? Какая наивность – полагать, что ей удастся сбежать. Она остановилась.

А не нужно никакого побега. Выбрать жертву – и порешить её. Убить как можно большее число врагов и отправиться, наконец, к своим родным в иной мир.

Она, наверное, проползла метров двести, пока не наткнулась на очередное технологическое «пятно» – место, где, отодвинув прутья, можно попасть в помещение. Через такое же она вошла возле силового поля, охраняющего пленников.

Слышались звуки суеты – клацанья, переговоры. Твари общались телепатически, но ротовая полость вибрировала с разной интенсивностью, и когда инопланетяне спорили, то появлялось лёгкое дребезжание.

На обучении им демонстрировали модель голубокожего и визуализировали его поведение. Насколько могла предположить сбежавшая пленница, под ней помещение, где что-то активно обсуждается. Возможно, это командный пункт, и скольких единиц она сможет лишить жизни перед собственной смертью?

Она решительно взялась за технологические прутья и начала раздвигать их в стороны. Как и в первом случае, они, растягиваясь, принимали нужную ей форму и на некоторое время оставались в таком положении, очень медленно возвращаясь к исходному виду.

Через несколько повторений остался последний слой, сквозь щели уже виднелся свет из помещения, и стало лучше слышно. Прежде чем обозначить своё присутствие, Оксана попыталась сосредоточиться и понять происходящее. Она приблизилась к прорехам и стала наблюдать.

В помещении, где так же, как у пленников, непонятно откуда исходил свет, присутствовали два гуманоида. Без биоброни, в таких же комбинезонах, как на Оксане. Они переговаривались друг с другом, судя по всему, на повышенных тонах. Из ротовых щелей неслись обрывки звуков, а Оксана даже ловила связные фразы.

Земные учёные не могли понять этого действия, но они уже знали, что человеческий мозг каким-то образом транслирует инопланетную коммуникацию, пассивно улавливая речевые сигналы тварей. Общественное отношение к данному факту ещё не сформировалось, но ясным было одно – проблем в достижении договорённостей, пожелай инопланетяне это сделать, не возникло бы. Некоторые даже предполагали: сами твари не в курсе, что их общение не представляет секрета для людей. Причём мозг не только принимает генерируемые тварями послания, но ещё и транслирует их в сознание на родном языке.

Китаец и русский, которым удалось вместе участвовать в одной военной операции, передавали идентичные послания, и каждый из них слышал их в своём мозгу на родном наречии. Что ж, с этим феноменом пусть разбираются учёные, пока же они нашли способ блокировать телепатическое восприятие у солдат, так как это мешало им выполнять боевые задачи. Ну, а Оксане сейчас любая информация на руку, она просто воспользуется ей, чтобы оценить обстановку.

Итак, судя по обрывкам фраз, речь шла о рождении детей. Погибли два новорожденных, ожидалось появление третьего. Новые зачатия произошли, но результат не гарантирован. При этом один настаивал на продолжении попыток, второй, судя по всему, боялся, ссылаясь на кодекс войны.

«Дети у вас гибнут, – злорадствовала Оксана, – так вам и надо. Это вам за наших детей». Она сжала руки в кулаки,

готовая ворваться к ничего не подозревающим врачам, как она их для себя определила. Слабые без своей брони, они не имели шансов. Лишить их жизни – дело одной минуты!

Взявшись за прутья-кабели, Оксана намеревалась тут же осуществить задуманное, но в поле зрения оказались новые действующие лица.

В помещение заплыла гравитационная подушка с беременной особью, накрытой серебристой тканью. Её сопровождали ещё две твари.

Оксана остановилась, продолжая наблюдать за происходящим.

Будущая мать тяжело дышала. Не нужно быть специалистом по инопланетной физиогномике, чтобы понять, что она испытывала тревогу.

Оксана вспомнила свои первые роды. Это было неожиданно, ведь в последнее время из головы не уходила картинка смерти детей. Воспоминание об их рождении накрыло Оксану, как внезапный летний ливень в жаркую погоду. Она смотрела на лицо роженицы и ловила себя на мысли, что та выглядит уж сильно напуганной. Вероятно, что-то не так, осенило Оксану...

Дальнейший диалог подтвердил её опасения: этот ребёнок – последняя надежда, сказали «врачи». Почему?

Оксана ослабила хватку и призадумалась. Наряду с промелькнувшим сочувствием к беременной особи сбежавшая пленница ощутила сильную тревогу – её цель вновь под угро-

зой. Ещё немного, и она в принципе не сможет поднять руку на врага. Твари убили её детей, а эта инопланетная женщина вот-вот станет матерью. Сможет ли Оксана поступить с ней так же? Желает ли она, чтобы любое живое существо чувствовало то же, что однажды довелось почувствовать ей?

В какой раз за прошедшие сутки сильно забилося сердце. Что-то происходило внутри, ломалась плотная броня ненависти и желания отомстить. Впервые за долгое время эгоистичные переживания оказались под угрозой перед лицом более глобальной проблемы – проблемы жизни и смерти.

Оксана вернулась к наблюдению. Вцепившись в прутья, она вместе с роженицей проживала все этапы рождения ребёнка. Но неестественная тишина и медлительность действий тварей дали понять: всё кончено.

Маленькое синее тельце на руках одного из врачей не подавало признаков жизни. Ударил по сознанию эфирный вскрик роженицы. И Оксану пронзила боль. Она всем существом почувствовала эмоции несчастной матери, ощутила глубину случившейся потери, сожаление о нереализованном материнском долге и огромную тоску. Всё это наложилось на собственные воспоминания и боль. Трагедия утраты, зажатая внутри столь долгое время, наконец, вырвалась на свободу. Скрутившись в позе эмбриона, Оксана рыдала в голос, абсолютно не в силах контролировать своё горе.

Она кричала и плакала, обхватив себя руками, дав волю всем скопившимся за столько месяцев чувствам. Мир

всплывал в памяти лучшими довоенными картинками – ежедневная работа, понятные задачи, успехи, дети, домашние хлопоты, отношения с супругом. Люди безмятежно гуляют вечерами, дети шумят на площадках, у кого-то заказ суши и пиццы, у кого-то поход в кино. Сколько встреч, знакомств, мероприятий! Как хочется жить именно так – строить планы, выбирать досуг, достигать поставленных целей. Знать, что всё зависит только от тебя и твоих усилий!

Завершило череду флешбэков воспоминание о ночи с Вадимом. Оксана поняла, что его любовь – единственная настоящая ценность. Он был прав, когда говорил об этом. Он был прав.

Истомившись окончательно, Оксана потеряла сознание. Она не чувствовала, как голубокожие достали её из коннектора, бережно уложили на гравитационную платформу и транспортировали в одну из уютных комнатушек лаборатории, где она проспала, по земным меркам, двое суток подряд.

Сделка с голубокожими

Снова приятный спокойный сон. Тот первый отпуск на море после рождения детей. Оксана чувствовала солнечное тепло, разлившуюся по телу лень. Она лежала на песке. Недалеко у берега ребяташки вместе с супругом возились с песочным замком – раздавались довольные детские визги и глухие комментарии Михаила. Затем их голоса затихли, и всё пространство заполнил шум прибоя. Оксана села, осмотрелась, но на берегу никого не было. Она подошла к замку, который недавно мастерили её близкие. Куда они подевались?

В недоумении стояла на берегу, пока очередная волна не накрыла хрупкое песочное сооружение, оставив от него бесформенную размытую кучу.

Отойдя подальше от волн, Оксана стала строить из песка новый замок.

Солнце по-прежнему ярко светило, согревая весь мир вокруг. Только теперь этот мир остался тем, кто выжил...

Едва заметные вибрации, мягкий свет – Оксана с наслаждением потянулась. Прежде чем открыла глаза, прислушалась к своим ощущениям. Сердце бьётся ровно, она чувствует себя отдохнувшей и бодрой. Что произошло и как она здесь оказалась?

Усевшись, Оксана осмотрелась. Маленькое, примерно три

на три метра, помещение. Ни окон, ни дверей. Она поднялась с лежанки – всё такой же плавающий над полом матрас – прошла, пощупала стены.

Последнее, что она помнила, – мёртвый голубокожий младенец на руках у одной из... Она хотела привычно назвать особь «тварью», но даже мысленно язык не повернулся.

Былые намерения о мщении растаяли без следа. Картинки из памяти, включающие образы первых часов после нападения, не вызывали негодования. Внутри было ровно и даже безмятежно.

Что ж, её обнаружили. Почему-то не уничтожили. Наверное, отправят на органы, или на опыты, или ещё на какой-то мучительный вид смерти, о коих рассказывали в ходе военной подготовки.

А ей, надо же, всё равно. «Отмороженная», как есть.

Оксана улыбнулась. Она попыталась проанализировать причины такого спокойствия. В голову ничего не приходило – просто ощущение, что всё хорошо. «Наверное, это какое-то ментальное воздействие или вроде того», – заключила пленница и решила спокойно ожидать собственной участи. Долго ждать не пришлось.

Исчезла часть стены, и в комнату вошли двое инопланетян в биоброне.

«Вы нас понимаете?» – услышала Оксана в голове. – «Если да, поднимите левую конечность вверх».

Оксана подняла руку.

«Готовы ли вы на мирный разговор? Если да, поднимите левую конечность вверх». Оксана подтвердила.

Инопланетяне немного помедлили, а потом каждый совершил неуловимое движение, коснувшись брони в разных местах, и защитные скафандры опали с тел, на ходу скукожившись до размера теннисного мяча. Подхватив «мячики» своими четырёхпалыми руками, голубокожие отправили их за пределы комнаты, а сами остались в уже привычных Оксане тонких обтягивающих комбинезонах.

Оксана узнала «врачей». На занятиях учили, что голубокожие практически не отличаются друг от друга, но Оксана была уверена в своей догадке. Они действительно были похожи, узнавание происходило при помощи других каналов восприятия.

Один из них протянул ей шарик. «Вставь в слуховую полость, мы сможем общаться».

Оксана положила шарик в ухо.

«И что?» – подумала она.

Двое закивали. «Мы тебя слышим тоже теперь».

Далее последовал очень долгий разговор.

Рассказывал в основном Игрейн, так услышала Оксана его имя, – верховный учёный системы Дзож. Его младший помощник Сгрейд иногда поддакивал, вставляя местами определённые уточнения. Оксана, в былой жизни безразличная как к научной фантастике, так и к уфологической тематике, между тем слушала с интересом, а также с пониманием всей

значимости происходящего.

Планетарная система лимейнов – так сознание транскрибировало название их расы – находилась через три параллельные галактики в прозрачном направлении от Всеобщего Солнца.

Далёкая от астрономии, Оксана даже примерно не понимала, где это, и Сгрейд любезно пояснил, что их космосуда передвигаются, используя чёрные дыры как порталы. Местоположение – в трёх порталах от ближайшей к планете Гея (именно так называлась Земля в каталогах лимейнов) чёрной дыры, что в тысяче световых лет. Прозрачное направление – это одно из 24 пространственных направлений ориентировочно Всеобщего Солнца (что-то вроде четырёх сторон света на плоскости Земли).

Родная планета Юприн, столица Джоз, радовала сотни поколений лимейнов. Это были столетия рассвета и стабильности, изредка нарушаемые незваными гостями – будь то космические крупные объекты или враждебные расы, которые периодически навевались к лимейнам.

Столетие назад женские особи лимейнов начали рожать мёртвых детей. Учитывая, что у каждой особи только одно право рождения (в древние времена предки намудрили с генетикой, контролируя рост населения), то достаточно быстро стало очевидно, что расе грозит вымирание.

Не готовые к подобным новостям, столетия существовавшие в тепличных условиях, лимейны оказались подверже-

ны паническим настроениям. Быстро силу набрал Оргвин – потомок военных привилегированных семей, которым доводилось лично подавлять одну из агрессий соседней галактики. Он эмоционально обвинял современников в изнеженности и моральной деградации, которая и привела расу к такому состоянию. По его версии, имея развитые технологии, грех сидеть на одном месте – нужно осваивать космос. А здесь, в родной системе, уже всё отравлено аурами живых существ. Чтобы спасти расу, необходимо снарядить экспедицию в далёкие чужеродные пространства. Стресс вкупе со свежими вибрациями должен встряхнуть репродуктивные системы лимейнов и вернуть способность производить детей – такая была установка.

И вот по всем 24 пространственным направлениям отправились огромные экспедиции. На Юприне остались только доживающие и первое поколение свежих. (Продолжительность жизни в пересчёте на земные года составляла у лимейнов триста-четырееста лет, а первое поколение имело возрастную категорию 50 лет – это достаточно мудрые, уже многому наученные представители расы, которые могут самостоятельно управлять хозяйствами планеты, пояснил Сгрейд.)

«Наша эскадрилья, возглавляемая верным помощником Оргвина, в конце концов попала сюда, – слушала Оксана мысленные послания нового знакомого. – В двух параллелях от вашей системы мы были атакованы враждебным конгло-

мератом, которого не должно было здесь быть! В итоге потеряны три грузовых космосудна, на борту которых находилось всё необходимое для сотен лет существования в космосе!»

Игрейн был так расстроен, что не мог продолжать говорить, и временно его заменил помощник.

Напуганные лимейны быстро потеряли почву под ногами. «Вы должны нас понять, многие века безмятежного покоя, и тут неожиданные вызовы. Сначала необходимость куда-то направляться, затем схватка в пространстве далеко от дома, без поддержки родных лучей, апатия поразила нас. Мы оказались не готовы к таким переменам, многие просто ушли добровольно, оставив свои тела. А где они собрались воплощаться, ведь процесс рождения под угрозой!»

«Очередная идея, захватившая умы, – нам срочно нужна планета. На тот момент ближайшей из планет, подходящих нам по климатическим и физическим условиям, оказалась Гея».

«Знал ли наш лидер, что она обитаема? Безусловно. Но нам нужен дом. Нам не нужны враги. И нам надо пополнить запасы, восстановить потерянные ресурсы».

Только подразделение Игрейна отказалось от войны. Дети продолжали рождаться мёртвыми, и решение этой проблемы имело важнейший приоритет. Тогда космосудно Игрейна назначили главной тюрьмой, а самому велели изучить процесс рождения земных детей.

«Я многое понял за эти месяцы, – рассказывал учёный. – Зачатие у нас – несложная мини-процедура. У вас это до сих пор происходит природным образом. И мне удалось вернуть нескольким парам такую возможность – чтобы во время акта близости генетический слепок благополучно транспортировался в цитадель жизни».

Перевод терминов был своеобразным, но это не мешало улавливать суть. В какой-то степени голубокожие – жертвы обстоятельств. Подгоняемые страхом сгинуть вдали от родной вселенной, лимейны кинулись во все тяжкие. Понятия о преступности, как позорном явлении, отсутствовали. И даже Игрейн не мог подобрать слова для объяснения своего пацифизма. Максимум, что сформулировал: «убивать живых существ в таких количествах неправильно».

Как бы там ни было, Игрейн считл, что находится на грани открытия. У него есть теоретические догадки о том, что причина мертворождённых кроется в отсутствии эмоционального сопровождения процесса самого зачатия. Хотя у инопланетян сохранились «акты близости», как они называли секс, и эти акты приносили участникам удовольствие, но почему-то не оживляли процесс появления плода. «Заряда» у восстановленных пар хватало только до рождения, а появляясь, ребёнок неизбежно умирал.

«Раньше ребёнок умирал в середине беременности, – рассказывал Игрейн, и Оксане казалось, что она чувствует его азарт, – я настраивал гормональную схему, приоткрывал раз-

личные гены в протоколе. В итоге почти весь период восстановленные носили здоровый развивающийся плод. Не хватает ещё чего-то. И это что-то я надеюсь получить от вас».

«Что?», – Оксана не ожидала такого завершения. В один миг Игрейн показался ей инопланетной вариацией чокнутого профессора, желающего «подержать свечку». «Я не планирую становиться матерью голубокожего ребёнка, – не толерантно подумала она».

Но как оказалось, она неправильно его поняла. Эксперименты по «скрещиванию» лимейнов с людьми категорически запрещались – важна чистота расы. По этой же причине было невозможно использовать человеческие гены для восполнения дефицитных у инопланетян – благо виды были сильно похожи.

Игрейну было необходимо зафиксировать всё происходящее в человеке в момент «акта близости» с другим человеком.

«Мы понимаем, что это тихий, закрытый от других пар и остального общества процесс, – успокаивал Игрейн. – Но пожалуйста, позволь нам сделать это, выбери мужскую особь».

«Но почему именно я?» – подумала Оксана, забыв, что думает не в приватном режиме. – «Возьмите лучше Соню...»

«Ты смогла пройти через заслон. Это сильная духоскрепная чакра, редкое качество персоналии. Это поможет нам считать процесс на всех уровнях. Поскольку мы – линии одного космического семени гуманоидного вида, я уверен, что

эти данные помогут мне решить проблему».

Оксана колебалась. До смешного странная ситуация. Должна ли она, потерявшая детей по их вине, помогать им не терять своих детей?

«Вчера на связь с эскадрильей вышел сам Оргвин, – снова подал свой голос Сгрейд. – Он понимает необходимость изысканий в направлении деторождения, но и не порицает методы в отношении коренных жителей планеты. Игрейн дерзнул поставить ему ультиматум, и Оргвин согласился...»

«У меня земная неделя на поиск решения. Если я нахожу его, мы возвращаемся домой. Это санкционировано. Выбери себе особь, Оксана. Прошу».

«Помоги врагу, спаси планету!» – Оксана невольно сгенерировала новый политический слоган. Но акцент уловила правильно – она помогает тем, кто ещё надеется на счастье, кто жаждет его. Таким, как Соня, как покойная Гала... А может, и таким, как она сама. И ей не нужно выбирать понравившуюся «особь», ведь есть Вадим.

И наступило то самое время

Его «доставили» в комнату спящим. Парящий над полом матрас плавно заехал внутрь помещения и остановился возле стены.

Ей предстояло объяснить Вадиму ситуацию и уговорить принять участие в эксперименте, напоминающем, по сути, половое извращение – занятие сексом под присмотром третьих лиц.

Оксана наклонилась к Вадиму, но не стала его будить, дав себе возможность полюбоваться на спящего мужчину. В голову полезли все редкие минуты близости, начиная от сцены в душе, заканчивая ночью в яме. С глубоким удовлетворением Оксана поняла, что её чувства к Вадиму полны любви и нежности. Она улыбалась, глядя на него. На глаза навернулись слёзы. Рука сама потянулась к лицу командира – захотелось погладить его, коснуться пальцами бровей, губ.

Вадим открыл глаза. Секунду он приходил в себя, потом перехватил руку Оксаны и прижал к губам.

– Какой приятный сон, – прошептал он.

– Просыпайся, – ответила Оксана, – наша миссия ещё не окончена.

Около часа потребовалось ей, чтобы убедить Вадима подействовать инопланетной задумке. Сложнее всего для него было принять мысль о помощи врагу.

– Видел бы это Якурин, – ворчал он. – Не знаю, чем всё закончится, по крайней мере, дополнительные минутки счастья перед смертью нам не помешают.

На том и порешили.

Игрейн установил обоим в уши по мягкому на ощупь шару – вот и всё оборудование. Затем их оставил одних, свет потускнел (откуда же он исходит?) и даже заиграла приятная музыка.

Обоюдную неловкость удалось быстро преодолеть благодаря взаимной страсти. Не уверенные до конца в благополучном исходе дела относительно собственных жизней, пленники решили не ограничивать себя во времени и от души насладились обществом друг друга. Думается, Игрейн был доволен многообразием и полнотой полученных данных.

Свежий воздух, чирикание птиц. Что это?

Первой пришла в себя Оксана. Открыв глаза, она поняла, что лежит на траве рядом с Вадимом, на них родная одежда и даже работающие смарты. Судя по всему, в плену они провели две недели. Удивительно!

Вокруг царила безмятежность, и Дрогин спал, как младенец.

Оксана встала, потянулась – и поняла, что выронила из руки шарик.

Поискав в траве, нашла инопланетный «переводчик»

и вставила его в ухо. После слабого щелчка в голове раздался «голос» Игрейна.

«Оксана, – обращался к ней инопланетный знакомый, – я очень благодарен тебе и твоей паре. Сожалею, что пришлось стереть из вашей памяти несколько последних дней вашего у нас пребывания – на этом настоял Оргвин, решивший лично изучить мои отчёты о деторождении. Он остался удовлетворён нашими достижениями, но в целях безопасности велел это сделать.

Я глубоко тебе благодарен, и даже жаль, что наше общение так ограничено обстоятельствами. Я бы мечтал пригласить тебя на Юприн...

Оксана, ваш акт близости ничего нам не дал – да, мы записали данные обо всех направлениях процесса – гормональном, эмоциональном, физиологическом... Но я не мог напрямую использовать это в отношении нас, лимейнов. Однако, дальнейшее общение и наблюдение за вашей парой позволило мне подумать в другую сторону.

Несколько тысячелетий наши предки создавали идеального лимейна. Мы превратились в безупречных представителей своей расы. Но побочным эффектом стало превалирование чувства общественного долга над индивидуальными стремлениями.

Рождение детей незаметно превратилось в дежурную обязанность. Лишённый эмоциональной подпитки родителей, плод отказывался появляться на свет. И хотя последние ро-

женицы чувствовали в правильном направлении и страдали от потери детей, одномоментно это проблему решить не может.

Изменить сознание и норму поведения – вот что нужно, и это процесс не быстрый. Я представил свой план Оргвину. Он загрузил данные в симулятор будущего и...»

«Симулятор будущего, насколько нам известно, отсутствует у землян, – зазвучал голос Сгрейда. – Это искусственный интеллект, позволяющий прогнозировать развитие событий с большой долей вероятности».

«И симулятор выдал однозначно положительный прогноз, – продолжил Игрейн. – Уже через одно поколение процедура деторождения вернётся в исконное русло!»

Оксана представила своего голубокожего друга ликующим и улыбнулась.

«Спасибо, Оксана, – продолжалась запись послания. – Не знаю, понимают ли твои соземельцы, какую роль ты сыграла в окончании войны. После ответа симулятора Оргвин отдал приказ возвращаться домой! Честно сказать, вопрос физической слабости нашего вида тоже в фокусе внимания главнокомандующего. Технологическое развитие сделало нас беспомощными перед дикарями... (Прости, я так не считаю – это точная мыслеформа Оргвина.) В любом случае, до свидания. Береги себя, ведь наш эксперимент, как оказалось, принёс свои плоды лично тебе».

Голос замолчал. Оксана почувствовала, как шарик в ухе

начинает нагреваться. Едва она достала его, тот испарился, напоследок легко кольнув ладонь.

Пискнули смарты – пришло сообщение из части: явиться на место службы.

Сигнал поступил и Вадиму – тот проснулся и уже изучал его содержание.

– Две недели? – присвистнул Вадим. – Ну, дела.

Он встал, неуклюже чмокнул Оксану и огляделся.

– Знаю эти места. До базы километра три.

– Три тысячи четыреста двадцать метров, командир! – отчеканила Оксана.

– Эй, да хорош, – Дрогин на секунду напрягся. – Только не вздумай говорить, что мы не пара.

– Так точно!

– Да Оксана...

Она счастливо рассмеялась и потянула Вадима за руку.

– Пойдём. Мне кажется, нас ждут отличные новости.

И действительно: живой и здоровый Якурин недоумённо сообщил, что два часа назад зафиксировано отступление тварей со всех конфликтных позиций и, более того, их исчезновение из околоземной орбиты. Отовсюду на базы возвращаются солдаты, считавшиеся умершими. С их учётом потери, кажущиеся фатальными, могут выглядеть не столь плачевно, как раньше.

– Да трусили они, понятно? Голубокожее ссыкло! – гене-

рал был очень доволен.

Новости, безусловно, отличные.

С удовольствием приняв душ, Оксана одевалась в чистую, приятно пахнущую одежду. Сейчас она сходит в медблок, проверит здоровье и узнает, правильно ли поняла намёк Игрейна на «личные плоды» инопланетного эксперимента. Пожалуй, теперь она готова подумать о восстановлении человеческого рода.

Мысли о ближайших планах прервала Соня, зашедшая в раздевалку.

– О, подруга дней моих суровых! – Соня, казалось, была искренне рада встрече. – Господи...

Она с интересом глазела на улыбающуюся Оксану.

– Этот сукин сын растопил твоё отмороженное сердце, – констатировала самая темпераментная женщина на базе.

Оксана и не думала отпираться. Она действительно чувствовала себя счастливой. Призраки прошлых потерь отступили, война закончилась, ненависть испарилась – осталась только надежда на счастье, желание любить и быть любимой.

И наступило то самое время.

От автора

Уважаемые читатели!

Спасибо за интерес к произведению! Надеюсь, вам понравилась эта история, и вы на какое-то время смогли отвлечься от повседневных будней и прожить это приключение с героями «И наступило то самое время».

Если это действительно так, обратите внимание на мои повести «Второй шанс», «После Разгрома», «Классный учитель» и «Детский мир». Мне очень нравится фантазировать на тему альтернативной реальности, ставить на страницах придуманных историй социальные эксперименты.

Приглашаю вас также заглянуть на страницу vk.com/berezul, посвященную моему творчеству, оставить свой отзыв, замечание или пожелание. Буду рада любой обратной связи.

Желаю вам приятного досуга с увлекательными историями!

Ваша Березуля.